

Людмила Милевская

Зикимора болотная

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Ивановна Милевская
Кикимора болотная
Серия «Соня Мархалева
— детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121809

Кикимора болотная:
ISBN 5-04-005755-5

Аннотация

Именно с подачи подруги у меня появилась домработница — Жанна. Знай я, чем все это обернется, не пустила бы ее даже на порог! Тем временем моя «Золушка» нашла своего принца и готовилась к свадьбе. Но вдруг, в один из вечеров, Жанна вернулась домой буквально... растерзанной. Мне же предстояло выяснить, кто был виновником вечерней трагедии. И для этого у меня были все основания.

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	81
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Людмила Милевская

Кикимора болотная

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога

Она выпорхнула из подъезда многоэтажки в темноту настоящей на запахах лета ночи. Дробно простучали каблочки по асфальту.

Белые кружева блузки нежны, как прикосновение любимого, легки, как пена. Каблочки: цок, цок, цок. Сердце: стук, стук, стук. А в нем любовь, много, много любви.

И небо, безучастный свидетель всего...

Каблочки перестали выбивать торопливую дробь, распрощавшись с твердью асфальта. Осторожно ступив на высушенную дневным жаром тропинку, она томно вздохнула: «Как сладко любить...»

Вдруг белое пятнышко блузки мелькнуло у полосы кустарника. Мелькнуло и исчезло. Как-то сразу, рывком. Сдавленный женский крик никого не разбудил, даже не потревожил в засыпающих, равнодушных многоэтажках.

Сердце остановилось и бухнуло вновь, еще и еще, тревожным набатом.

Глаза выхватили из темноты мерзкую, словно паук, руку, рвущую на себя податливую паутину блузки.

Крику не пробиться сквозь чужую ладонь. Крик погиб, не успев родиться.

Треск рвущейся ткани, звериное нечеловеческое рычание... И тьма...

Там, за кругом тьмы, злобный монстр – порождение ужаса, творил страшное, грешное и отвратительное.

И его некому остановить. Некому...

Незримо качнулись во тьме ночи ветки кустов, пропуская белые клочья кружева.

Вновь по тропинке, мимо многоэтажки, по асфальту...
Под тусклый свет фонаря.

Глаза – окна в отчаяние, в бессилие, в боль и страх, в отвлечение к себе.

Хрупкое тело сползло по двери, пачкая ее кровью, пропитавшей волосы, стекающей по щеке...

Глава 1

Хлеб я пеку сама. Это единственный способ сохранить фигуру. Рецепт прост: два стакана муки, два стакана отрубей, треть пачки дрожжей, щепотка соли и щепотка сахара. Кто знаком с тестом, сообразит, что со всем этим делать...

Действительно просто, очень просто. Сложней приучить себя это есть. Мне как-то удалось, поэтому без труда влезаю в свое выпускное платье.

...И неудивительно: когда в хлебе одни опилки – на них не раздобреешь.

Опилками я называю отруби, кто пробовал – поймет, что разница несущественна.

...В тот злополучный день я сидела за кухонным столом, бережно очищая отруби от мышинных экскрементов и ломая голову над сюжетом новой книги весьма философского содержания.

«Какова мера терпимости? Нет, видимо, так: какова мера толерантности?

Да, „толерантности“ – лучше. Одно и то же, а насколько умней... Где граница толерантности, отделяющая безнравственность от...»

Боже, как много срут эти мыши! А я вчера еще недоумевала за ужином, откуда в моем хлебе взялся тмин. Бедный Евгений, как он меня хвалил. Чему он радовался? Он любит

тмин.

Откуда у мышей взяться тмину? Нет, это черт знает что такое! Одно говно! И я должна это есть? Для фигуры.

Я злилась, так как было очевидно: во всем опять виноват Санька. С тех пор, как я решилась стать матерью, жизнь пошла под откос. Если бы не Санька, я бы мигом мотанулась за отрубями, а не перебирала бы мышинные экскременты. Он сирота, и я должна любить его во сто раз сильнее, чем родного ребенка.

Лично я давно осиротела, но раньше это не чувствовалось так сильно.

Раньше я жила припеваючи и лишь когда стала матерью – поняла, как тяжело быть сиротой. В случае моей болезни присмотреть за Санькой было решительно некому.

Да-а, жизнь у меня не мед и даже не сахар. Выйти из дому невозможно.

Санька часто болеет, капризничает, плачет, его нельзя оставлять надолго. И все на мне одной. Кто мог, уже помог и отказался. Дальше я должна рассчитывать только на себя. Маруся и та взбунтовалась. Категорически от меня отреклась.

Заявила: «Если бы я хотела возиться с детьми, нарожала бы своих.

Придется тебе, старушка, раскошелиться».

Раскошелиться. Разве я против, но как это сделать? На кого кошелиться?

Кого брать? Домработницу или няньку? С появлением в моем доме Саньки возникла острая потребность в целом штате прислуги. Здесь разве обойдешься одной нянькой?

Нет, что ни говори, но лишь теперь, перебирая мышинные какашки, поняла я мою бедную покойную Нелли, да простит ее господь и царства ей небесного за все содеянное. Пока наши друзья и знакомые ломают голову, как могла она пойти на такие жуткие преступления, я постигаю эту тайну на собственной шкуре. Только год я побыла Санькиной матерью, а уже готова убить первого встречного и без всякого повода, а Нелли все же делала это лишь со знакомыми людьми и к большой своей выгоде.

К тому времени она была матерью Саньки целых три года. И это не могло не сказаться на ее психике. Правда, у нее была нянька. Малыш сидел рядом со мной и своим кашлем опять сметал «гуант» на очищенные отруби.

– Санька, когда кашляешь, отворачивайся от стола, – попросила я, плохо скрывая раздражение и мучаясь от этого.

– Мама, а что такое секскременты? «Боже, ребенок помещан на сексе. Хоть бери и выбрасывай этот телевизор. Насколько проще было, когда он из алфавита выговаривал всего несколько букв. Тогда его хоть не понимали окружающие. Чертов логопед, научил-таки его говорить. Теперь он чешет языком не хуже взрослого, но что он мелет? Секскременты. Ужас! Видимо, я вслух произнесла это нехорошее слово. А как надо было сказать? Говно? Разве это лучше? Я ужасная

мать, но что делать?!»

– Санька, не сиди здесь. Из окна дует, ты болен. Иди ляг в кровать.

– И смотреть телевизор? – обрадовался он, вскакивая со стула.

Я с опаской покосилась на часы. Время было уже такое, что вполне могла выпорхнуть с экрана какая-нибудь едва одетая дивчина и задргать голыми ногами или чем-то и того хуже. Да и политики ничуть не лучше этих певичек. Несут порой такое, что интеллигентные родители за головы хватаются и тащат подальше от экранов детей. По фене болтают уже в открытую, как заправские ворюги, и только что не матерятся, и то избранные, остальные уже всю матерятся.

Но все же лучше, когда больной ребенок лежит в кровати, а не сидит на сквозняке у окна.

– Хорошо, включи телевизор, – согласилась я. – Но крикнешь мне, что там идет.

Санька вскочил, с воплем радости повалил стул и выбежал из кухни. Я удрученно посмотрела ему вслед, мысленно отмечая, что штанишки ему уже коротки, и выглядит он в них потешно, как клоун в цирке. С тех пор, как я решилась стать матерью, сердце мое преисполнилось беспокойством. Каждую минуту меня что-то волнует, пугает, огорчает.

Адская, должна сказать, жизнь. Просто непостижимо, как справляются с проблемой материнства миллионы женщин. Вот уже год, как я с трудом справляюсь с этой проблемой,

а дальше – хуже. Оказывается, дети постоянно растут. С ними не получается никакой экономии. Курточка, которую я купила ему на выход, пролежала одну лишь зиму и вот уже мала.

Просто удивительно, как быстро растут дети. А как они быстро учатся! И в основном плохому.

– Мама! Мама! А что такое секс-премьер?

«Ну вот, яркая иллюстрация... Но что он смотрит?! Что ему там показывают?!»

Я сорвалась с места и вихрем влетела в Красную комнату. Санька сидел в кресле и с серьезным видом поглощал «Новости». На экране не было никакого секса, и все выглядело благопристойно.

Это ужасно, мой ребенок помешан на сексе. В четыре с лишним года.

– Санька, не секс-премьер, а экс – значит, бывший, – сказала я вслух, а мысленно задалась вопросом: «А он что подумал?»

– Тогда сексофон что такое? – не унимался Санька. – Сказали, что Клинтон любит свой сексофон.

При слове «Клинтон» меня прошиб пот. Бог знает, какую информацию только что получил ребенок. Сексофон. О чем это? Может, комната, где этот престарелый юнец предавался сексу с Моникой? Или музыка, под которую они там все это делали? Музыка! Черт! Я совсем отупела. Конечно, музыка, Клинтон же играет на саксофоне.

Мне стало значительно легче. Я вытерла пот и удовлетворила Саньку правильным ответом, после чего отправилась на кухню ковыряться в мышиных какашках.

«Ах, как не вовремя нагадили мыши. Хотя это я не вовремя обнаружила. Ведь ела же хлеб вчера, и ничего, а теперь даже дышу с отвращением, но выхода нет.

Фигура дороже. Да, Маруся права, надо срочно заводить домработницу. Во всяком случае, будет кому возиться с мышиным говном, да и с Санькиным заодно».

Принимая те или иные решения, люди не в состоянии предвидеть всех последствий. Таким образом, желая избавиться от мелких неприятностей, мы получаем крупные.

Я позвонила Марусе и сообщила:

– Я решила завести домработницу.

– Ах, я прямо вся упала! Решилась-таки старушка, – обрадовалась Маруся.

Вероятно, моя жизнь казалась ей все еще недостаточной юдолью плача и печали. Домработница в этом смысле должна была исправить положение. Видя, как я несчастна, Маруся автоматически попала в разряд счастливых женщин, а кто же не желает себе счастья?

– Значит, так, старушка, все заботы я беру на себя, – с энтузиазмом воскликнула Маруся. – Не вздумай обращаться ни, в какие агентства. Ты вся отдайся своему Саньке, а я позабочусь об остальном. Максимум через три дня у тебя будет симпатичная трудолюбивая девушка, готовая за скромную

плату потакать всем твоим капризам. У меня уже есть такая на примете: утонченная, грамотная и твоя соседка. Живет ну прямо рядом с тобой.

Я даже не сразу поняла, что произошло. Умение Маруси врываться в чужую жизнь и превращать ее в бардак могло кого угодно обезоружить, но, думаю, у меня уже появился кое-какой иммунитет, иначе бы я не задала своего вопроса.

– Почему девушка? – спросила я.

– Тебе нужна помощь или разговоры о давлении и радикулите?

– Помощь, конечно.

– Тогда – девушка. Симпатичная, образованная, покорная и трудолюбивая.

Мне стало смешно.

– Маруся, ты идеалистка. Ты веришь в сказки.

– Почему?

– Где же сейчас найдешь симпатичную и трудолюбивую девушку? Эти вещи несовместимы. О покорности я и не говорю. Это просто анахронизм. А образованная прислуга – хуже гангрены.

– Старушка, ты прямо вся отстала от жизни. Говорю же: такой анахронизм живет рядом с тобой. Просто рядом!

Я пришла в ужас. Уж Не мою ли Старую Деву Марусю имеет в виду?

Представляю, что она сделает с моим Санькой да заодно и со мной. Она же неряха!

У нее даже мыло грязное! Из ее дома бегут тараканы (кстати, ко мне), что же говорить о людях? Правда, тараканы (с появлением Саньки) теперь уже бегут и от меня. Мой Евгений тоже скоро побежит... Евгений! Меня словно ледяной водой окатили.

– Маруся! Какая девушка? Тем более покорная и симпатичная! У меня же Астров. Я и так старше его на два года.

– Не на два, а на пять, а внешне так и на все десять, но при чем здесь Евгений? Он от этого только выиграет, – заверила меня Маруся.

– Он-то – да, но речь идет обо мне. С чем останусь я после его выигрыша?

– В твоем возрасте не об этом надо думать...

– В моем возрасте только об этом и думают, – возразила я. – Особенно теперь, когда у меня Санька. Ребенку нужен отец.

Маруся едва не задохнулась на том конце провода, столь беспредельно было ее удивление.

– Так ты хочешь выскочить замуж за своего Астрова?! – завопила она. – Нет, держите меня, я прямо вся сейчас упаду! Ты?! Замуж?! Нет, старушка, я просто падаю! Чтобы ты – и замуж!

Меня это начало раздражать.

– Да, я – и замуж, а что здесь удивительного, особенно для тебя. Ведь ты же с подобной мыслью не расстанешься от самого своего рождения, почему же я не могу решиться на

замужество?

– Потому что после четвертого брака ты дала зарок не регистрировать свои увлечения, – напомнила мне Маруся.

– Правильно, – согласилась я. – Зарока я не нарушаю. Евгений не увлечение, а жестокая необходимость. Во-первых, всегда приятно иметь рядом личного телохранителя, особенно, когда он обходится тебе почти даром.

Во-вторых, Санька уже сейчас по собственному желанию называет его отцом. Ты знаешь, он сделал это гораздо раньше, чем назвал мамой меня.

– Телохранителей сейчас пруд пруди, нищих отцов тоже, – заметила Маруся.

Не обращая внимания на ее колкости, я продолжила, нанося основной удар:

– К тому же у Евгения есть все те мужские качества, которые я хочу видеть в Саньке. Согласись, это большая редкость, чтобы мужчина хоть как-то соответствовал женскому представлению о сильном поле.

Маруся демонстративно рассмеялась:

– Ха! Ха-ха-ха!

– Уже по твоей реакции ясно: мой Евгений – соответствует, следовательно, лучшего отца Саньке не найти. Так стоит ли рисковать? Не потому ли умные хозяйки в домработницы берут пожилых женщин?

– Да, в объявлениях обычно пишут: после сорока. А тебе сорок один.

– Спасибо за напоминание, я тоже помню, сколько тебе, но речь не о том.

Я, конечно, уверена в Евгении, но к чему брать грех на душу и вводить мужика в лишний соблазн.

– В чем же соблазн? – Маруся любит иногда прикинуться дурочкой.

– Знаешь, когда изо дня в день молодая девица будет на его глазах стоять задницей кверху, тут и кремень станет мягче пластилина.

– Почему обязательно задницей кверху?

– Потому что – это самая рабочая поза. Я все же надеюсь, что домработница будет стирать белье, чистить ковры, мыть полы и так далее, а все это делается в известной позе, поэтому мне хотелось бы иметь в доме задницу постарше.

– Старше себя, – уточнила Маруся.

– Как минимум, – заверила я.

– Хорошо, завтра мы это обсудим.

Глава 2

Ранним утром следующего дня Маруся ворвалась в мою квартиру со своим новым любовником. Иван Федорович, мужчина в костюме, внешне весьма обаятельный.

Он не имеет привычки громко и не к месту смеяться, регулярно чистит обувь, не ковыряет в носу в задумчивости и не цыкает зубом, от него совсем не пахнет потом, он иногда пьет в меру, курит только дорогие сигареты и в гостях тактично скрывает свой непомерный аппетит.

Несмотря на все Перечисленные достоинства, я относилась и отношусь к Ивану Федоровичу очень прохладно. Возможно, я не смогла простить Марусе разбитого сердца Акима.

Ах, Аким, предпоследняя любовь Маруси. Она его жестоко бросила, а он все-таки мой сосед.

Если до этого Аким просто пил, то теперь он запил горькую и совсем забросил мое хозяйство. В ванной несколько месяцев течет кран горячей воды, а в туалете барахлит бачок. Время от времени сосед стучит в мою дверь. Бия себя в грудь кулаком, он говорит:

– С соседями так не поступают!

Я соглашаюсь, обливаясь слезами, но напоминаю, что Марусе он никакой не сосед, а мне очень даже, так же как и Старой Деве, которая уже трижды жаловалась участковому.

– Машка хотела моей любви! – кричит Аким. – Вот ей! – и он скручивает большой кукиш. – Еще не родилась та баба, которая...

– Знаю, – грустно отвечаю я, после чего Аким приходит в себя, вздыхает, смущенно роняет слезу и топаёт домой.

Разве могу я после этого любить Ивана Федоровича? Если дело пойдет так и дальше, мне придется, как абсолютно одинокой женщине, просить Евгения починить кран и бачок, а это сильно ударит по моему авторитету, ведь он мне еще не муж.

Вот почему я не люблю Ивана Федоровича.

К тому же он старается всех убедить, что безумно любит Марусю. Он демонстрирует свое восхищение в самой отвратительной для меня форме: ест Марусю глазами, из которых струится патока, то и дело вспыхивает восторгом и захлебывается от нежности.

Если бы он был не из провинции, а Маруся не являлась обладательницей столичной квартиры, гаража и дачи, я бы ему поверила. Но в Москве околачивается масса провинциалов, способных за вышеперечисленные сокровища и не на такое.

Поэтому на его любовь я сразу же посмотрела с подозрением и брезгливостью, чего не скажешь о Марусе. Кстати, пора вернуться к ней.

– Ну, старушка, и загрузила ты нас своими проблемами! – с ходу пожаловалась она, едва успев внести в квартиру свой

пышный бюст. — Мы с «моим» бросили в постели делом заниматься и всю ночь проспорили, какого возраста должна быть прислуга. Он стоит на своем: не старше двадцати пяти.

— И я его могу понять, — усмехнулась я. — Так же, как и тебя.

— Я с ним согласна, — поспешила сообщить Маруся.

— Ах, согласна, птичка моя. Чудесно, тогда возьми эту трудолюбивую девушку себе. Будешь лучше справляться с хозяйством, — ответила я, кивая на Ивана Федоровича.

Маруся пришла в смятение, но очень быстро из него вышла.

— Мне бюджет не позволяет, — заявила она.

— Не страшно, такие расходы я охотно возьму на себя, по дружбе и для эксперимента.

Маруся просверлила меня взглядом и поняла, что я не шушу.

— Ну, что скажешь? — спросила она, оборачиваясь к «своему». — Или я не права? Она завидует нам.

— Права, права, — тут же замурлыкал он, кусая Марусю за щеку и умильно вскрикивая:

— А щеки! Мои румяные щеки!

Фу, как это противно. И я должна все это терпеть. Но в одном я с ним согласна: щеки Маруси и раньше занимали значительную часть ее лица, а в последнее время просто выступили за его пределы.

— Ваня! Перестань, — млея от счастья, отбивалась Маруся,

а он то кусал, то щипал ее оплывшие щеки с каким-то садистским остервенением, словно она была не тем, что есть, а извращенной малолетней нимфеткой.

Я смотрела на эту сцену с нескрываемым отвращением, мысленно поклявшись не соглашаться на прислугу младше пятидесяти.

– В общем, так, старушка, – вспомнила обо мне Маруся, когда Иван Федорович утомился дергать ее за щеки. – Ты как хочешь, но Жанне я уже сообщила. Работе она очень обрадовалась, поэтому выкручивайся сама. «Мой» занят сегодня, поэтому мы спешим. Пока, чмокни Саньку, мы испаряемся.

Что они и сделали.

Минут пять я стояла в прихожей, потрясенная столь наглым вторжением в свою жизнь.

Кто кому завидует? Разве я пытаюсь протиснуть молодую девицу в Марусин дом? Щеки!

Щеки!

Я фыркнула и хотела вернуться в кровать, откуда раньше времени меня и извлекла Маруся, но три дверных звонка сообщили о приходе Евгения. Я распахнула дверь и тут же была подвержена нападению на свои худые щеки.

– А щеки! Щеки! – радостно вопил Евгений, щипая и кусая меня на все лады.

– С ума. сошел?! – отбивалась без особой охоты я. – Могу представить, где ты этому научился.

– Да, эту сцену я только что видел в твоём подъезде, –

признался Евгений.

– Ну так не думай, что такой варварский способ выражения любви нравится всем, – ответила я и добавила:

– Может, он и в самом деле любит Марусю, раз лучших достоинств в ней не нашел? А ведь и правда, из всего, что у нее было, более-менее сохранились только щеки.

Евгений усмехнулся и пожал плечами.

– Конечно, любит. Я не поклонник крупных – женщин, но Маруся уж очень хороша.

Я, словно после удара под дых, поинтересовалась одними губами:

– Чем же она хороша?

– Сиськами, задницей и вообще фигурой. Всего много, все есть. Что еще мужику надо?

Я растерянно осмотрела свою фигуру в висящем на стене зеркале. Отметив ее незначительность, я пролепетала:

А мне еще хотели впендюрить молодую домработницу. Понятен ее замысел, я имею в виду Марусю.

Евгений неожиданно заинтересовался:

– Домработницу? Вот правильно. Это то, что тебе нужно. А то глянь на себя в зеркало: на тебе уже лица нет. Надо взять молодую крепкую домработницу, чтобы все спорилось в ее руках...

Насчет ее рук не знаю, а мои руки уже уперлись в бок, глаза метали молнии и стрелы.

– Маруся – прелесть, на мне нет лица, а ему не кикимору

болотную – молодую и крепкую подавай, чтобы все в руках! – возмутилась я.

Евгений рассмеялся.

– Обожаю, когда ты ревнуешь. Не хочешь молодую, бери старую. Мне подойдет любая.

– Как это по-мужски! – выразительно закатывая глаза, констатировала я, на что Евгений рассердился.

– Ну все, хватит, – рявкнул он, но, испугавшись своей смелости, сразу же дипломатично пояснил:

– Лично я иду ремонтировать кран и бачок, а ты можешь приготовить мне кофе, а если появится настроение, то и завтрак. Санька где?

– Санька спит, а ты иди к черту, так меня пугать. Говорила тебе, что разница в возрасте до добра не доведет. Мне уже сейчас трудно соответствовать твоим тридцати шести, а что будет через десять лет?

– Через десять лет я буду импотентом, и ты успокоишься, – обнадежил Евгений.

– Заманчивая перспектива.

Санька выскочил из спальни: и закричал:

– И я буду импотентом! И я!

Мне осталось лишь развести руками.

– Вот, милый мой, до чего доводит твое воспитание. Вот, чему ты учишь ребенка, хотя в его возрасте это неплохо, особенно при его болезненном интересе к сексу. Вчера он справлялся, что такое секс-премьер и сексофон.

– Надеюсь, ты правильно ему объяснила, – рассмеялся Евгений, хватая Саньку на руки и подбрасывая под потолок.

– Можешь не сомневаться, – ответила я и удалилась на кухню варить кофе, раз уж в этом доме совершенно не дают поспать.

Звонок в дверь застал меня за этим занятием. Из ванной выбежал Евгений и с криком «это Серега пришел на помощь!» помчался в прихожую.

Серега, друг Евгения, в помощи постоянно нуждается сам, но, при этом (как последний враг) умудряется еще предлагать и свою, хотя от этого выходят одни неприятности.

На этот раз Серега, видимо, обещал справиться с бачком и краном. Я живо представила, что теперь с ними станет, но решила по пустякам не расстраиваться.

Поэтому, спокойно закуривая сигарету, я сидела на кухне и изучала в зеркале свое лицо, которого якобы на мне нет, и была вполне довольна тем, что вижу.

Щеки, правда, немного ввалились, но разве не этого добивалась я много лет?

На пороге вырос Евгений. На его губах блуждала улыбка.

– Это к тебе, – крикнул он и, насвистывая игривый мотивчик, отправился в ванную.

– Эй, постой, – вернула я его громким шепотом. – Кто там?

– Какая-то незнакомая девица, спрашивает хозяйку. Это ты?

– Это я. А что за девица? Хорошенькая? Евгений причмокнул губами и закатил глаза, демонстрируя крайнее восхищение.

– Высший пилотаж! – констатировал он.

Я пулей вылетела в прихожую. У раскрытой двери стояла девица, каких немало на Тверской. Длинные, ничем не прикрытые ноги, полные глупости глаза в обрамлении щедро намазанных тушью ресниц, сочные карминовые губы, на голове...

В общем, я пришла в ужас и с криком «нет, никогда!» захлопнула дверь и сразу припала к «глазку», давая себе клятвы завтра же убить Марусю.

Девица удивленно пожала плечами, перешла к соседней двери и нажала на кнопку звонка.

Ждать ей пришлось довольно долго. У моей соседки Татьяны не квартира, а постоянный двор. То из Мурманска родственники, то из Челябинска, то из Ставрополя. И что ни ночь, то пир горой. Хроническое нашествие гостей доведет-таки мою добрую Татьяну до хронического алкоголизма. Она уже давно не работает, перешла на ночной образ жизни и трезвой бывает лишь изредка.

Девица в ожидании нетерпеливо дрыгала своей длинной ногой, а я ругала и ее, и Марусю, и Татьяну. Наконец дверь распахнулась, и на пороге показалась Татьяна в халате, накинута поверх ночной сорочки до пят. Она сонно, пьяно и бестолково хлопала ресницами, явно пытаюсь продрать гла-

за.

– Как вы относитесь к гостям из... – заблелась девица, но Татьяна не дала ей договорить.

– Прекрасно отношусь, – воскликнула она, сгребла девицу в охапку и радостно завопила:

– Миша! Юра! Андрюха! Тети Дунина Зина приехала!

И потащила девицу в квартиру.

Я пришла в полное недоумение. Что за чертовщина? Куда она поволокла мою девицу? Это что? Она уже и моих гостей принимать собирается?

Не успела я прийти в себя, как затисканная объятиями девица вновь появилась на площадке. За ней шла смущенная Татьяна с журналом «Башня» в руках и извинялась на все лады:

– Простите, я вас приняла за Зину, дочку тети Дуни. Вы похожи, очень похожи. Миша! Юра! Андрюха! Ведь правда?

– Правда! Правда! – басовито загудело из глубины квартиры.

Девица вежливо улыбнулась, отряхнулась, расправила крылышки и, пятясь, уперлась в дверь Старой Девы, куда тут же и позвонила.

Татьяна исчезла, и на площадку выползла Старая Дева с головой, утыканной бигуди. У нее постоянно вместо головы – бигуди. Что она только на них наматывает? У нее же нет волос.

– Как вы относитесь к гостям из будущего? – заученно

заблелая девица. — Что скажете о бесконечности Вселенной?

Старая Дева вместе с бигуди ушла в размышления, а девица, пользуясь этим, просочилась в ее квартиру и повела свой репортаж уже из прихожей. Речь шла о господе, совести и вере. Старая Дева, понятия не имея ни о первом, ни о втором, ни о третьем, обожала такие речи, из чего следовало, что у проходимки есть перспектива состариться прямо в ее квартире.

Но кого уже они стали присылать к нам, эти свидетели Иеговы? И откуда они берут этих своих свидетельниц? Прямо с панели, что ли? Фу, как она меня перепугала, эта девица.

Я отлепилась от «глазка» и отправилась на кухню. Не успела я заняться уборкой, как опять раздался звонок.

— Это ко мне! — крикнул Евгений и вновь помчался в прихожую.

Я рассердилась, плюнула и взялась-таки за чистку плиты, чего долго не решалась делать. Евгений тут же вернулся. Он был полон разочарования.

— Это к тебе, — равнодушно бросил он и поспешил в ванную.

— Да постой же, — зашипела я. — А теперь там кто?

— Какая-то девица. Спрашивает Софью Адамовну. Это ты?

— Это я, ответила я, придирчиво всматриваясь в его глаза. — А что за девица? Хорошенькая?

Взгляд Евгения не выражал ничего, кроме крайнего нетерпения.

– Обычная девица, каких миллион. Сонь, мне некогда, ты иди, она ждет.

Я несколько успокоилась, но бдительности решила не терять. Придала своему лицу самое строгое выражение и поплыла в прихожую.

Девица топталась у двери на коврик. Вид у нее был очень смущенный, а когда я грозно сказала «ну?», бедняга и вовсе сконфузилась. Глаза из-под челки смотрели загнанно и обреченно.

«И где только Маруся откопала такую?» – подумала я и строго повторила вопрос:

– Ну?

Девица покрылась красными пятнами, нервно затеребила подол платья и, приседая, сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, милая, – покровительственно ответила я, придиричиво изучая ее и оттаивая душой.

«Нет, это существо не опасно. Чтобы мой Астров изменил мне вот с этим?»

Даже если такое случится, я только ему посочувствую».

Я решила ее подбодрить.

– Итак, слушаю вас, – сказала я, после чего девица растерялась окончательно и сбивчиво залепетала:

– Меня это, Жанна зовут, я это, насчет работы пришла,

мне это, говорили, я собиралась уже вчера, но, сказали, что как бы не надо, а сегодня, вот.

– Понятно, следуйте за мной, – усмехнулась я и отправилась на кухню.

Когда мы проходили мимо ванной, внезапно распахнулась дверь, и перепачканный Евгений шагнул нам навстречу. Девушка испуганно шарахнулась и юркнула на кухню раньше меня.

– Кто это? – свистящим шепотом спросил Евгений, делая ужасные глаза.

– Прислуга, – издевательски кривляясь, ответила я. – Допрыгались, милые.

– И как она?

– По-моему, ее надо лечить.

Евгений пожал плечами и скрылся в ванной, а я отправилась на кухню.

Девушка стояла ко мне спиной и смотрела в окно.

– Присаживайтесь, Жанна, – я указала на стул. – Кофе хотите?

– Спасибо, – робко ответила она.

– Спасибо? В каком смысле?

– В смысле... Не хочу.

Я задумалась о соотношении робости и покорности в характере человека и на несколько секунд забыла о Жанне...

Очнулась я, лишь когда Санька выскочил из ванной и с криком «где моя прислуга?» прыгнул на руки Жанны.

Я остолбенела. Я близка была к обмороку, поскольку находилась в уверенности, что девушка точно лишится чувств, но ошиблась. Жанна мгновенно преобразилась. Она рассмеялась, не выпуская Саньку из рук, уселась на стул, повела с ребенком бойкий разговор и через пять минут знала о нас столько, что я озаботилась новой проблемой.

Оказывается, наличие прислуги в доме делает жизнь его обитателей весьма прозрачной.

С этим смириться я никак не могла, но, видя своего ребенка в руках Жанны радостным и счастливым, я представила себя сидящей, скажем, в опере, а рядом Евгений. Что ж, недурно. А к нашему приходу Санька, отмытый до белизны, переодетый в свежевыстиранную пижамку, сладко дремлет на кружевных белоснежных простынях, а на столике в гостинной приятный ужин на двоих и при свечах...

Просто блеск!

Я посмотрела на Жанну совсем другими глазами.

«Ну и пусть сплетничает, – храбро подумала я. – После Старой Девы и верной подруги Маруси мне это совсем не страшно. Главное, что она любит детей.

И они любят ее, если судить по моему Саньке, а его трудно обмануть».

– Что вы умеете делать? – спросила я, чтобы не выглядеть легкомысленной.

Жанна вмиг утратила веселье, привычным движением (как куклу) прижала моего сына к груди и серьезно отчита-

лась:

– По дому умею делать все: стирать и гладить белье, чистить ковры, натирать паркет, знаю десять рецептов варки кофе, хорошо готовлю традиционные блюда и обожаю драить кастрюли.

Представив, что всю эту нудную и изнуряющую работу она будет делать вместо меня, я почувствовала значительный прилив сил. Последняя же ее фраза едва не довела меня до экстаза.

– А комнатные растения вы любите? – спросила я, с огромным трудом скрывая радость. – У меня много дорогих цветов.

– Цветы – с детства моя слабость. Я их хожу и лелею, словно своих деток.

Сладкий вздох вырвался из моей груди:

– Ах!

Но я быстро взяла себя в руки и строго спросила:

– А как вы относитесь к домашним животным?

Надо признаться, что у меня не было никаких домашних животных, но я уже серьезно задумалась: «А почему бы мне их не завести?»

Услышав вопрос, Жанна буквально заискрилась внутренним светом и с трогательной нежностью произнесла:

– Домашних животных очень-очень люблю. Я затрепетала.

«Ну надо же, как мне повезло. Это просто ангел какой-то,

а не девушка.

Таких надо клонировать. Просто брать и клонировать. Сотнями. Тысячами. Чтобы всем было хорошо. Ах, как я теперь заживу! Даже не знаю, как благодарить мою Марусю».

– А скажите-ка, милая, что вы любите больше всего? – спросила я, недоумевая, как могла так долго обходиться без прислуги.

– Больше всего на свете я люблю детей, – ответила Жанна, и мне потребовалось немало сил, чтобы удержаться на стуле, а не наброситься на нее с объятиями и поцелуями.

Пришлось торжествовать молча, что было равносильно пытке.

– А как вы относитесь к воспитанию? Мне хотелось бы вырастить из сына приличного человека, а не какого-нибудь рэкетира, депутата или, упаси боже, лидера ЛДПР.

Этот вопрос всегда очень волновал меня. Некоторые заводят детей и совсем не хотят их воспитывать. Детей это чрезвычайно травмирует. Именно так получают вышеперечисленные продукты плохого воспитания.

– Я обожаю воспитывать детей и даже закончила шестимесячные курсы гувернанток, – заверила меня Жанна, чем окончательно свела с ума.

Подобно голливудской героине, мне захотелось, подпрыгивая от счастья, закричать: «Хочу! Хочу!» Но я чудом сдержалась.

А вот Санька не стал скрывать своих чувств. Он завизжал

от радости, чем привлек внимание Евгения. Он испуганно ворвался в кухню и, увидев, что здесь все довольны, с облегчением вздохнул.

Санька прыгал на коленях Жанны, а я томилаь от переизбытка чувств:

«Вот кого мне нашла Маруся! Вот кого она мне нашла!»

Будь у меня хоть капля предвидения, я залилась бы слезами в тот самый миг, когда нога Жанны ступила на порог моей квартиры.

Но даром предвидения обладаю не я, а все кому не лень. Послушать мою Марусю, даже она обладает этим даром; Хотя, если учесть, сколько неприятностей принесла мне ее Жанна, то, может, это и так. Однако все это в дальнейшем, а пока...

Глава 3

А пока я не знала, куда деться со своим счастьем: хотелось буквально со всеми поделиться открытием, что я и делала в первые дни с утра до вечера.

– Знаешь, что приносит женщине истинное блаженство? – вопрошала я очередную из подруг, лежа на диване с сигаретой в зубах и любуясь тем, как спорится работа в руках Жанны.

– Новая шубка? – принималась гадать подруга.

– Холодно.

– Богатый любовник?

– Холодно.

– Отдых на Канарах?

– Уже теплей.

– Неужели групповой секс? – с восхищением изумлялась подруга.

– Фи, какая чепуха. Это, все вместе взятое, не идет ни в какое сравнение с моей Жанной, – с гордостью сообщала я. – Прислуга – вот что может сделать женщину счастливой. Когда имеешь домработницу, то шубки, любовники и отдых на Канарах так же доступны, как групповой секс. Когда в твою жизнь входит прислуга, жизнь вроде та же, но совсем с другим оттенком. Знаешь, чем отличается лебедь от курицы?

– Шеей?

– Умение летать. Курица только хлопает крыльями, но остается на земле.

Так вот, я взлетела так высоко, что мне жаль вас, хлопающих крыльями. Жанна, приготовь мне белую блузку, но сначала принеси кофе и сделай потише телевизор.

Или нет, выключи его совсем.

Не стоит, думаю, упоминать чувства, которыми преисполнялись мои подруги. Все, как одна, завидовали мне завистью всех цветов радуги. Лишь Тамара – очень деловая женщина – не поняла меня.

– Серьезно? – удивилась она. – Прислуга действительно приносит столько радости?

– Прислуга и счастье – синонимы, – заверила я.

– Странно, – изумилась Тамара, – почему же я не испытала этого? У меня два водителя, кухарка, горничная, прачка и садовник, не считая секретарш, которых тоже можно смело отнести к прислуге, если взять во внимание то, чем им обычно приходится заниматься. Сюда же можно отнести и телохранителей. Так почему же я несчастна?

– Может, потому, что количество не всегда переходит в качество? – предположила я.

– А может, мой муж вместо меня кайфует? Даня! Даня!!! Сейчас же иди сюда, – закричала Тамара, обращаясь к мужу. – Соня утверждает, что прислуга приносит счастье. Отвечай, это правда?

– Лично мне счастье приносишь ты, – услышала я честный

ответ бездельника Дани.

Еще бы, бизнес Тамары кормит известную часть страны, так что уж тут говорить о каком-то Дане.

– Соня, наша прислуга никакого счастья не приносит, – со вздохом призналась Тамара. – Одни только хлопоты. И все воруют.

– Это потому, что у тебя нет моей Жанны, – с гордостью ответила я, всей душой жалея подругу.

Можете представить, как жилось мне в те дни, раз я была полна таких восторгов. Жанна – девушка из многодетной семьи, самая старшая из детей – была на редкость ловка и трудолюбива. С шести лет на ее плечи легли большое хозяйство и толпа братишек и сестренки. Она привыкла со всем справляться и не роптать и сохранять жизнерадостность. Скромность ее поражала, ум вызывал уважение, легкий нрав – симпатию.

В моем доме воцарился абсолютнейший порядок, Санька был ухожен и накормлен, а мы с Евгением располагали всеми вечерами к собственному своему удовольствию. И все это за весьма скромную плату, потому что выяснилось:

Жанна мечтает в совершенстве овладеть английским. Я охотно взялась ей в этом помочь, расширяя по ходу ее кругозор и без усталости делаясь своим жизненным опытом.

За короткое время мы стали подругами, точнее я стала ее кумиром, что было особенно приятно. Занимаясь домашним хозяйством, Жанна успевала не только слушать меня, но и

выражать свое восхищение, причем в самой лестной форме.

Конечно, я была в восторге, день ото дня все больше влюбляясь в прислугу, подумывая всерьез над повышением жалования, что с моей стороны уже было бы настоящим меценатством, поскольку Жанна планировала продолжить свое образование и собирала средства для оплаты обучения в университете.

Я поделилась своей идеей с Евгением, и он всячески ее одобрил, напомнив, однако, что такие домработницы, как Жанна, на дороге не валяются, а ведь если она поступит в университет, ее надо будет кем-то заменить. Впервые в жизни, да простит меня господь, я пожалела об отмене крепостного права.

– Я же умру без нее.

– Ну, это будет не так скоро, – поспешил успокоить меня Евгений.

– Да, но я уже сейчас представить не могу, как буду обходиться без нее.

К тому же она мне как дочь. Все, что есть у меня внутри, что накопилось за долгие годы жизни, настойчиво требует передать это дочери.

– Отдай Саньке. – Ему это на пользу не пойдет. Нет, нет, нет. Представить себе не могу, что будет, когда меня покинет Жанна.

– Это будет не скоро, – снова заверил меня Евгений, но он ошибался;

Через несколько дней после нашего разговора позвонила Тамара и пригласила меня на банкет по случаю своего юбилея.

Так было всегда. Все дни рождения Тамары, сколько себя помню, проходили на моих глазах. Сначала это были детские собрания с тортом, свечами и лимонадом, потом отроческие вечеринки с теми же атрибутами и подпольным вином, потом юношеские бесшабашные пьяные компании и так далее.

Но с тех пор, как Тамара забралась на коммерческий олимп, ее дни рождения не радовали меня. Я отбывала их как повинность, расплачиваясь за многолетнюю верность и дружбу. Там уже не было прежней атмосферы родственного единства, где все любили и были любимы. Там присутствовали скука и суета, и еще много тщеславия и прагматизма. Все друг от друга чего-то хотели и старались это тут же получить.

Там, на этих юбилеях, я уже не принадлежала себе и чувствовала себя чужой и страдала, что не нужна Тамаре, как прежде, и что она меня уже не так любит, хотя она клялась, что без меня на собственном дне рождения просто повесилась бы. Вот как загнала бедняжку жизнь.

В общем, я знала, что ждет меня на этом банкете: это будет шумный и суетливый прием с чиновниками, политиками, бизнесменами, банкирами и звездами эстрады, где у каждого припасен камень за пазухой и улыбка до ушей.

Я очень не хотела туда идти, но не могла отказать подруге.

Я вынуждена была сказать «да».

Тамара, избавившись от неловкости, связанной с ожиданием моего ответа, обрадовалась и размышляла о том, чего уже не будет никогда: как мы посидим вдвоем, напьемся, поболтаем, распахнем друг другу души...

— Кстати, Мама, как там твоя новая подруга-домработница? — неожиданно спросила Тамара. — Ты по-прежнему от нее в восторге?

— Она прелесть, я не прочь ее удочерить, — засвидетельствовала я, — Жаль, что я никак не могу ее увидеть. Все дела, дела. Времени свободного совсем нет. Неужели она так уникальна?

— Можешь не сомневаться. Это перл.

— Слушай, Мама, а почему бы тебе не захватить ее на мое торжество?

Может, мне удастся переманить ее к себе, и я узнаю, что такое настоящее счастье.

Мне понравилась такая мысль, я имею в виду, конечно, не счастье Тамары, а само торжество.

— Это идея! — закричала я, предвкушая, сколько радости получит Жанна от того, что для нас с Тамарой хуже цирроза.

Я мгновенно ощутила себя волшебницей-крестной, щедро одаривающей Золушку-Жанну, и поинтересовалась:

— А карета за нами будет? Тамара поняла меня с полуслова.

— Будет, и с кучером, — пообещала она.

– Блеск!

Я повесила трубку и вот тут-то впервые ощутила его. Он стоял за моей спиной и дышал мне в затылок. Я застыла перед зеркалом, висящим над телефонным столиком, и потому ясно видела: за мной нет никого.

Но кто-то дышал. Даже волосы шевелились на затылке. Ужас!

Не знаю, что стало бы со мной, если бы не звонок в дверь. На пороге стояла Старая Дева. По отсутствию бигуди я определила, что она при параде.

– Ко мне пришел старый друг, – заблеяла она, – и очень хочет с вами поговорить.

– С чего это? – испугалась я.

– Он ваш читатель.

– Ваш друг?

– Да, – с осуждением подтвердила Старая Дева. – Мой друг – ваш читатель.

– Пусть читает что-нибудь другое, – запротестовала я и поспешно захлопнула дверь.

И в это время осознала, что не чувствую дыхания на моем затылке.

«Чего только не привидится, – подумала я и рассмеялась. – А может, тот, который дышал, обиделся за друга Старой Девы? Не слишком-то любезно я обошлась с ним. Сам виноват. Впредь будет знать, с кем дружить».

...Это происшествие тут же забылось, и последующие два

дня я портила Жанну, заставляя ее примерять свои наряды. В моем розовом платье она была так мила, что это заметил даже Евгений.

– Ого! – сказал он, после чего я поняла, что перестаралась. Жанна вспыхнула и потупилась, а я возмутилась.

– Это что еще такое? Ты не пойдешь с нами, так что не радуйся, – предупредила я Евгения.

– И очень тебе за это благодарен, – ответил он. – По роду деятельности я достаточно насмотрелся. Когда я был телохранителем у...

Но я не могла это слушать. Я его оборвала:

– Знаем, знаем, наслышаны. Чем распускать перед Жанной хвост, пойдика лучше посмотри, чем занят там наш Санька.

– А что, Жанна уже освобождена от своих обязанностей? – удивился Евгений.

– До банкета частично – да. Нам еще нужно обсудить манеры, раз они так ее беспокоят.

Астров скроил недовольную физиономию, но отправился к Саньке.

– Так вот, – обратилась я к Жанне, едва за ним закрылась дверь, – нет там никаких манер. Все то воспитание, которое ты получила у своих родителей, придется забыть. Ты не сморкаешься в занавеску, умеешь пользоваться ножом и вилкой, не чавкаешь во время еды и не хватаешь со стола руками – на этом и остановимся. Этого Достаточно.

– Неужели? – удивилась она.

– Остальное тебе ни к чему. Научись, милая, не краснеть, не робеть, не конфузиться и говорить то, что хочется, не выбирая момента.

Жанна с ужасом воззрилась на меня.

– Да, да, милая, – компетентно подтвердила я. – Обязательно научись перебивать собеседника: уверенно и хорошо поставленным голосом, так, чтобы ему сразу стало ясно, что он невежа и несет форменную чушь. И непременно дай ему понять, что ты Нечто, а он плебей и недостаточно богат. Если при этом ты будешь сидеть с нахальным видом, закинув ногу на ногу и попыхивая сигаретой в дорогом мундштуке, тебе поверят и возненавидят всей душой. После этого можешь переходить к сдержанным комплиментам. Из твоих уст они будут очень ценны.

Я перевела дыхание, пользуясь этим, Жанна сообщила:

– Но у меня нет дорогого мундштука. И я совсем не умею курить.

– Чепуха, это проще простого, а мундштук я тебе одолжу. Главное, не переборщить с комплиментами, чтобы собеседник (или собеседница) не задрал нос.

Так, слегка одари его и принимайся давить по новой, пусть почувствует свое ничтожество, а потом снова приободри легким комплиментом.

Жанна всплеснула руками:

– Боже, как это сложно!

– Да, милая, непросто, – согласилась я. – Но ради собственного престижа порой приходится из кожи вон лезть, тебе же придется делать немного. Держи собеседника в тонусе, и его уважение тебе гарантировано. Если при этом он сочтет тебя полезной, завоюешь и его любовь.

– А ее?

– Или ее, смотря с кем будешь общаться.

Здесь существенной разницы нет. Но это при условии, что ты не будешь занудой. Умей улыбаться и вызывать улыбки. И помни, где бы ты ни была, везде ты главная, потому что женщина и очень хорошенькая. Ты должна свято в это верить, так как тебя обязательно попытаются убедить в обратном.

С чувством исполненного долга я откинулась на спинку дивана и победоносно взглянула на нее. Бедняжка окончательно сникла.

– Как же все это суметь? – схватила за голову она. – Что для этого нужно?

– Уверенность.

– Уверенность?

– Да, милая. Уверенность в том, что ты венец творения. Когда ты уверишься в собственной непогрешимости, в это поверят и все остальные. Ты приобретешь значимость.

– Правда?

– Клянусь!

– А если у меня не получится, – вздохнула Жанна. – Что для этого нужно?

– Ты должна твердо знать: все, что делают Другие, – плохо, пошло и бездарно. Правильно и хорошо лишь то, что делаешь ты. Вот формула Успеха. Но она требует определенного состояния, я имею в виду материальную сторону жизни.

Самовлюбленность – порок, а порок – роскошь. Бедность обречена быть добродетельной, в то время как богатство может позволить себе и порок. За все то, чему учила тебя я, нищенку, невзирая на внешность, назовут хамкой и надают по шее. Так что, милая, ничего не поделаешь, придется блефовать, если хочешь попасть в приличное общество.

Жанна задумалась. Кажется, желание попасть в приличное общество у нее исчезло. Я поняла, что перестаралась, и решила ее успокоить.

– Ну, милая, не стоит пугаться, я буду рядом и поддержу, если будет в этом нужда. К тому же у нас есть несколько дней, которые мы посвятим усиленным репетициям и тренировкам. У тебя все получится. К тому же я смотрю на этот банкет не только как на развлечение, а с дальним прицелом. Ты молода, бедна и вышла из среды, не предполагающей будущего. Если осуществится твоя мечта и ты закончишь университет, что будет дальше? Думала ты об этом?

Жанна растерялась.

– Не знаю. Я разбогатею и буду жить достойно.

– Как ты себе это представляешь? – спросила я, изумляясь такой наивности.

– Ну, получу образование и буду работать.

– Где? Все приличные места давно заняты. Кто поможет тебе устроиться на достойную работу? Твои подруги, которые работают за гроши?

Она сидела в моем безумно дорогом розовом платье на моем безумно дорогом антикварном диване и была похожа на печального суслика.

Сердце мое зашлось от жалости.

Почему хорошим людям так плохо живется?

В этом есть жуткая несправедливость!

– Допустим, я тебя не брошу, – заверила я-. Но ты должна сама научиться хоть чуть-чуть работать локтями. Ты трудолюбивая девочка, и руки – это хорошо, а локти еще лучше.

Пришел Евгений и возмутился:

– Чему ты учишь ребенка?

– Жизни! – парировала я и с гордо поднятой головой удалилась.

Но лучше бы я этого не делала. Лучше бы я осталась в комнате и убедила Жанну в том, что все это шутка, что не надо ей никакого общества, поскольку живут же люди и без него, и совсем неплохо живут на свои гроши. Но я ушла, позволив ей закоренеть в своих желаниях.

Глава 4

Наступил долгожданный день. Все утро мы репетировали, и у Жанны уже кое-что неплохо получалось. Она научилась элегантно закидывать ногу на ногу, принимать раскованную позу и естественно смотреть в упор пристальным взглядом.

Мундштук в ее пальчиках выглядел тоже вполне естественно, и она уже почти не давилась дымом.

Евгений, которому в этот вечер предстояло нянчить Саньку, крутился рядом и не переставал Дивиться: как легко можно испортить человека.

Я не разделяла его мнения, поскольку Жанна все еще не могла избавиться от комплекса неполноценности и в глазах ее слишком часто появлялся испуг. Она была безнадежно целомудренна и ничего не могла поделать со своей наивной доверчивостью, а также любовью к людям. Времени было мало, и мне пришлось смириться. Я сделала все, что могла. На первый взгляд Жанна была неотразима, а там уж – как бог даст.

Когда за нами прибыл автомобиль, присланный Тамарой, я, в последний раз придирчивым взглядом окинув Жанну, успокоила себя:

– Как-нибудь обойдется.

– Она так прелестна, что не обойдется, – рассмеялся Евгений.

Он словно в корень смотрел. Так все и вышло.

Обычно Тамара для своих торжеств арендовала подходящие случаю помещения, но на этот раз все были приглашены на ее новую дачу. Она сделала там суперремонт и хотела незамедлительно пустить пыль в глаза. Ей это удалось. В тот вечер многие ее друзья стали ее же тайными врагами. Только Жанна, пожалуй, восхищалась без примеси иных чувств. Остальные – коченели от зависти.

Тамара, в бриллиантовой диадеме, в драгоценной горностаевой накидке, в длинном белом платье, как прекрасное привидение стояла у входа в свой сверкающий огнями дворец и на правах любезной хозяйки говорила гостям гадости.

– А-а, это ты, мой маленький! – фальшиво обрадовалась она толстому, приземистому мужчине, ведущему под руку высоченную девицу, похожую на фонарный столб. – Это ты, мой пони!

– Почему это маленький? Почему это поди? – обиженно пыхтел он, подставляя хозяйке губы.

– Потому что я обожаю тебя, – пояснила Тамара и, словно только что заметив «фонарный столб», захлебнулась от восторга:

– Ах, Дианочка, прелесть моя, как ты пополнела! И как тебе идет второй подбородок!

Дианочка, позеленевшая от бесконечных диет, но так и не сумевшая избавиться от двойного подбородка, была близка к обмороку. Она вспыхнула от ярости и могла наговорить бог

знает чего. Я даже струхнула, но глупость в больших голубых глазах выдавала ее безобидность, и я успокоилась. Тамара легко справится с такой и без моей помощи.

За «столбом» и «пони» следовали мы. На лице моей подруги появилась мимолетная искренность.

– Мама! Это ты?! Слава богу! Я думала, ты уже не придешь, – воскликнула она, целуя меня, отстраняясь и цепким взглядом оценивая мой скромный наряд.

– По-моему, мы не опоздали, – ответила я, кивая на Жанну.

– Здравствуйте, – присела моя смущенная Золушка, которая, несмотря на утомительные репетиции, сразу, же все сделала не так.

– Ба! Мама, да ты не одна! – обрадовалась Тамара. – Это и есть твоя необыкновенная крошка?

– Да, это она, но что ты будешь с нами делать?

Тамара мгновенно поняла, о чем идет речь.

– Не волнуйся, я представлю ее как подругу и дочь своей подруги, – воскликнула она.

– Надеюсь, ты не меня имеешь в виду? – насторожилась я.

– Нет, конечно, у нее же есть своя мать, – успокоила меня эта язва. – Пойдем, я покажу тебе кое-что. Даня! Даня! Принимай гостей!

Эlegantный Даня поспешил занять пост, а мы направились в сад.

– Как вам моя иллюминация? – поинтересовалась Тама-

ра. – Обрати внимание, последний писк.

– Дом словно охвачен пламенем, – похвалила я. – И что, это будет постоянно так?

– Да, наружное освещение нынче в моде. Мама, а как тебе мои фонтаны?

– Зашибись!

– А цветы?

– И цветы – зашибись, но кто их выставил на холод? На деревьях еще и почки не набухли, а у тебя фонтаны и цветы.

– Ах, я же не виновата, что родилась весной, – вздохнула Тамара. – За делами жизнь проходит мимо. Даже некогда полюбоваться этой красотой. Даже на Сейшелах я отсыпалась, и единственное, что мне удалось, так это обгореть на солнце.

Мне стало жаль свою несчастную подругу.

Я решила ее приободрить.

– Зато сегодня у тебя сладкая жизнь, – сказала я. – Все, не исключая и меня, страдают от зависти.

– То-то же, – удовлетворилась польщенная хозяйка и от избытка чувств ущипнула за щечку Жанну. – А что это мы такие молчаливые?

– Ребенок никак не может в себя прийти от твоего «Мазератти» с водителем, – пояснила я.

– Ах, вот оно что, – улыбнулась Тамара. – Но ты же сама просила карету.

Я не успела ответить. Примчался взволнованный Даня и с воплями «приехал Сам» утащил мою подругу. Мы с Жанной

остались одни.

– Почему эта Тамара называет вас Мамой? – спросила де-вушка. Я рассмеялась.

– Надеюсь, ты не подумала, что нас связывают родствен-ные узы?

Жанна испуганно замотала головой.

– Нет, нет, так невозможно подумать, – пролепетала она.

– Тамара даже старше меня, а Мамой меня зовут все мои друзья. Открою свою тайну. Ты не знаешь, что Санька не мой сын. Точнее, теперь-то он мой, но до этого он был сыном моей любимой подруги.

– Что же случилось с вашей подругой? Спросила Жанна, и на лице ее отразилось заблаговременное сострадание.

– Она умерла, – с искренней грустью ответила я. – Погиб-ла, когда Саньке было три года. Я усыновила его, но парши-вец никак не хотел звать меня мамой.

«Тетя», и все. И так продолжалось довольно долго. Время шло, ребенок рос, катастрофически накапливая опыт, а я по-прежнему была «тетя Соня». Разве это не обидно?

– Обидно, – подтвердила Жанна. – Но сейчас же он зовет вас мамой.

– И это благодаря нашей Марусе. Она придумала хит-рость. «Давай, – однажды сказала она, – мы все будем звать тебя мамой. Санька подумает, что это твое имя, и к нам при-соединится». Она сама оповестила всех знакомых и друзей, как теперь надо ко мне обращаться. Все, кроме нее, стали

звать меня Мамою, даже Евгений. Мне стоило немалых трудов его от этого отучить.

– А как вас звала тетя Маруся?

– Как обычно: старушкой. Но Санька, слава богу, не стал звать меня старушкой. Слово «мама» гораздо чаще звучало в моем доме. Ты знаешь, это помогло. Ребенок действительно очень быстро присоединился к большинству и теперь зовет меня мамой, впрочем, как и все остальные. Они пристрастились и не могут отвыкнуть. Ну что, пойдем к гостям?

Жанна улыбалась и слушала меня с интересом, но вдруг задрожала.

– Тебе холодно? – спросила я, заметив внезапную перемену.

– Нет, это нервное. Может, не надо к гостям? Может, лучше побудем здесь?

Мне это очень не понравилось. К черту летели все наши тренировки.

– Ты – венец творения, – строго сказала я. – И запомни, здесь нет никого лучше. Пойдем в дом, увидишь сама. Ты – это совершенство, а они все – посредственности. Надеюсь, мой мундштук на месте?

– Он в моей, то есть в вашей сумочке, – пролепетала Жанна.

– Что значит в «вашей»? Раз сумочка у тебя в руках, значит, она твоя. И переходи уже на «ты», – отрезала я и потащила ее в дом.

Я тут же в холле споткнулась об Тосю, которая обрадовалась и закричала:

– Мама! Это ты?

– Это мы, – ответила я.

– Ты не видела Марусю? – спросила Тося, с любопытством разглядывая окаменевшую Жанну. – Я везде ее ищу.

– Бог с тобой, – возмутилась я. – Откуда Марусе здесь взяться? Будто не знаешь, что она уже двадцать лет не разговаривает с Тamarой.

Нам навстречу пробирался облезлый Тосин муж, видеться с которым я не желала никогда. Тося вбила себе в голову, что он лакомый кусочек для всех без исключения женщин, и мне не хотелось ее в этом разубеждать. Хотя сейчас, когда его бизнес пошел в гору, может, это стало и так. В любом случае я поспешила ретироваться, но было поздно. Он раскинул руки для объятий и завопил:

– Мама, как ты похорошела!

– И ты по-прежнему неотразим, – решила быть любезной я, от чего Тося пошла пятнами.

– Нам надо поболтать, – зашипела она, оттесняя мужа от нас с Жанной. – Стае, слышишь? Нам с Мамой надо поболтать!

Я решила воспользоваться моментом.

– Станислав, – с патетикой воскликнула я, после чего он вытянулся и стал сантиметром выше. – Нам действительно надо поговорить, а ты пока развлеки эту юную леди, – и я

кивнула на Жанну, которая тоже пошла пятнами и испуганно залепетала:

– Нет, я лучше останусь с вами.

– Не говори мне «вы», – зашипела ей на ухо я. – Мы же перешли на «ты».

Иди с ним. Он круглый дурак. Рядом с ним несложно чувствовать себя венцом творенья.

– Мама, что такое? Вы шепчетесь? – капризно надул губы Стае.

Тося смерила меня ехидным взглядом.

– Лишь из любви к подруге, – рассмеялась я, лаская ее взглядом. – Но, Станислав, раз ты обижаешься, скажу. Я призналась Жанне, что в юности была в тебя влюблена.

Эффект был потрясающий, причем сразу с обеих сторон. И Тося, и Стае были в шоке, каждый по-своему, конечно.

– Как зовут эту прелесть? – неловко сменил тему Стас, с опаской косясь на жену.

– Прелесть зовут Жанна, – вдохновилась я – и, Станислав, я буду тебе благодарна, если не дашь этой крошке скучать.

– Можешь не сомневаться, Мама, – заверил Стас меня, предлагая свой локоть обомлевшей Жанне.

И он потащил ее в самую гущу народа.

– Кто она? – задребезжала Тося, едва мы остались одни.

– Подруга Тамары и моя.

– Мама, почему я об этом ничего не знаю?

– Сама удивляюсь, – честно призналась я.

– Но дело не в этом. Ты видела, Мама, что Тамарка сделала со своим лицом? Сколько можно тянуть эту бедную рожу? То есть кожу. У нее же глаза вот-вот окажутся на заднице.

– Это циничное и избитое выражение, – не одобрила я.

Тося не обратила на это никакого внимания и продолжила с еще большим вдохновением:

– А освещение! Ты видела где-нибудь такое безобразие? Ужас! Дом похож на ресторан! А цветы? Снег еще толком не сошел, а она цветы выставила! Они же посинели от холода! А фонтаны? Ты видела. Мама?! Тамарка совсем сошла с Ума.

Вляпать столько денег в такую пошлость и безвкусицу. Я просто схожу с ума!

Я решила затеять спор, в ходе которого как Дважды два четыре доказала, что фонтаны и иллюминация не пошлость, а бездна вкуса и самый последний писк моды, хоть и мало кому по карману. К тому же я заострила внимание на естественной молодости хозяйки, а также на ее диадеме и горностаевой накидке, чем окончательно лишила Тосю настроения.

– Вот так-то, – победно заключила я, очнувшись от упоения спором и вспомнив о Жанне. – А где это наши голубки?

– Твоя голубка в хорошей компании, – сверкнула глазами Тося, – а вот где мой голубь шизокрылый?

Я проследила за ее взглядом и увидела у колонны Жанну. С бокалом в одной руке и мундштуком в другой она смотрелась недурно, но кто это рядом с ней?

Боже, какой мужчина! Какой элегантный молодой человек!

Я тут же «примерила» его на себя и расстроилась. «Ах, где мои семнадцать лет!»

Но какие великолепные у него манеры, как изысканно он держится. А как он смотрит на мою бедную крошку.

– Ты не знаешь, кто это? – спросила я Тосю, кивая на собеседника Жанны.

– Как? Мама! Разве ты не в курсе? – ужаснулась она. – Это же крупный бизнесмен, друг Тamarки. Его семья дружна с самим...

Стае, уже сильно навеселе, появился очень не вовремя и расстроил наш разговор. Тося тут же выдала ему нагоняй, призывая меня в свидетели его распутства и пьянства. Когда я глянула на колонну, там уже не было ни Жанны, ни молодого человека. Мне стало скучно, и я оставила сладкую парочку.

В поисках своей домработницы я бродила среди гостей, дипломатично отбиваясь от друзей и знакомых. Вдруг я увидела Тamarу. Вцепившись одной рукой в Жанну, а другой в того самого элегантного молодого человека, она, волнуя гостей своими драгоценными горностаями, стремительно летела к зимнему саду, к беседке, увитой цветами.

Я залюбовалась чертовкой.

«Ах, как удачна ее последняя операция, приуроченная к торжеству. Даже глядя в упор, я не дала бы ей больше

двадцати пяти. Надо же, куда шагнула наша медицина. Нет, правда, Тамара и в восемнадцать не была так хороша, как сейчас, в свои не буду говорить сколько. Ну почему я такая трусиха? Пора бы уже и мне подумать о том же».

Тамара тем временем бросила свою добычу в беседке и устремилась ко мне.

– Видела? – спросила она, переводя дыхание. – Скажи, Мама, как тебе эта парочка?

– Недурна.

– И я того же мнения, – торжествующе воскликнула она. – Я все чудесно устроила, пусть поболтают в уединении. Как тут не насторожиться?

– Что чертовка, задумала? Признавайся.

– Сказка так уж сказка, – рассмеялась она. – Почему бы нашей Золушке не встретить на балу своего принца?

Я остолбенела.

– Как тебя понимать?

– Михаил...

– Его зовут Михаил?

– Да, – довольная собой, кивнула Тамара. – Михаил совсем недавно жаловался мне на современную молодежь. Представляешь, парню двадцать восемь, воспитан, богат, красив, умен, но никак, не может жениться. Он невероятно положительный, а вокруг что ни баба, то стерва.

– И начиная прямо с тебя, – возмутилась я. – Это надо же такое придумать!

– Да перестань, Мама, они созданы друг для друга, все будет прекрасно, – заверила она меня.

– Этого-то я и боюсь. Чем прекрасней будет им, тем мне хуже.

– И бояться тут нечего. Мама, вот увидишь, они поженятся в самое короткое время. Он уже без ума от твоей Жанны.

– И я от нее без ума: как тут быть?

– Да никак, пусть женятся и живут себе счастливо.

Я схватилась за сердце.

– Ну, спасибо тебе, дорогая, ты настоящая подруга. А обо мне ты подумала? Ты не забыла? Жанна – моя домработница.

– И прекрасно, мы ему об этом не скажем. Я представила ее родственницей своей лучшей подруги. О том, что Жанна твоя прислуга, он может вообще никогда не узнать.

– Лично мне хочется сказать ему об этом прямо сейчас, в противном случае я только и видела свою Жанну. Нет, как это по-женски, взять и выбить домработницу из-под лучшей подруги! Ты позавидовала моему счастью, а я еще сражалась с Тоськой за твои горностаи, фонари и фонтаны. Знала бы, ругала бы тебя в свое удовольствие.

Тамара растерялась:

– Ой, Мама, не подумала я как-то.

– А по-моему, очень даже хорошо подумала и спланировала все неплохо.

«Слушай, почему бы тебе не захватить ее на мое торже-

ство», – передразнила я ее.

– Ты заранее все предвидела, а я-то, наивная душа, так нахваливала свою Жанну, да, оказывается, не в те уши. Поздравляю, кто тебе дороже – я или этот сопляк Михаил? Ты, предательница, хочешь устроить ему личное счастье за мой счет?

Тамара уже вяло, но защищалась.

– Не только его счастье. Согласись, что больше всех выиграет твоя Жанна. Ну где она найдет такого жениха?

Видимо, тень сомнения легла на мое лицо, потому что Тамара очень вдохновилась.

– Мама, не будь эгоисткой, так мило все вышло, я даже сама не рассчитывала. Меня захлестнуло возмущением.

– Ах, значит, рассчитывала! Вот ты и проболталась! Это подло! Подло!

Неужели ты не видишь? Теперь я сама должна драить кастрюли!

Услышав это, моя подруга едва не прослезилась. Лишь теперь она окончательно осознала, что сотворила, и растерянно залепетала:

– Мама, ну не убивайся ты так, может, еще обойдется, может, еще и не наладится...

– Не наладится, как же! – продолжала возмущаться я. – Раз мне это во вред, значит, теперь уж точно наладится! Смотри, как он на нее уставился, как волк на ягненка. У-у, сводня! Мало тебе богатых невест? – Я уже нешуточно за-

махнулась на Тамару.

— Ах, дорогая, он точно влюбился с первого взгляда. Даже уже благодарил меня, — удрученно призналась она.

— С первого взгляда! — сквозь слезы рассмеялась я. — Конечно, как тут не влюбиться с первого взгляда, когда я тебе все уши прожужжала о достоинствах Жанны. Куда ж бедному парню было деваться? А тут еще и мордашка смазливая, и держится как принцесса! Сама я, дура, научила! Бьюсь об заклад: все то, что я так подробно тебе рассказывала, тут же передавалось этому Михаилу. Он с тобой откровенничает, ты с ним, а я страдай! Сию же минуту отбываем домой! Жанна!

Жанна! Мы уезжаем!

С этим воплем я ворвалась в беседку и потащила свою Жанну домой, но этим лишь все усугубила.

Одно дело молодому человеку влюбиться в девицу, и совсем другое дело, когда эту девицу у него отбирают. Тут уж любовь приобретает вселенские размеры.

Михаил, почуяв сопротивление, тряхнул гривой, как молодой лев, и грозно спросил:

— В чем дело?

— Дело в том, что нам пора, — рявкнула я, уповая на покорность Жанны.

Моя крошка послушно поплелась за мной. Точнее будет сказать, не поплелась, а помчалась, потому что улепетывала я с весьма приличной скоростью.

– Зря ты, Мама! – догнал меня отчаянный вопль Тама-
ры. – Это дико и несовременно.

Глава 5

Домой мы приехали значительно раньше, чем намечалось. Евгений встретил нас легким недоумением.

– Так рано? Не понравилось?

– Понравилось, некоторым даже слишком, – бросила я и прямо в бальном наряде отправилась в ванную смывать с себя лицо. – Чего это она такая сердитая? – поинтересовался он у Жанны.

Что было дальше, я видеть уже не могла, но, думаю, она покраснела и потупилась, эта скромница. В наше время бедные девушки выпрыгивают из себя, стараются, не покладая ни рук ни ног, подцепить хоть мало-мальски приличного жениха, а этой сразу бизнесмена подавай, семья которого дружна с самим этим, черт его знает с кем.

Ох, как я зла, как я зла! Вот и делай после этого людям доброй Когда я вышла из ванной, Жанны уже не было. Евгений отпустил ее домой, сославшись на то, что Санька спит, а другие дела подождут.

Мое розовое платье аккуратно висело на стуле. Мундштук и сумочка лежали на столике.

– Какая муха тебя укусила? – спросил Евгений, протягивая мне зажженную сигарету.

– Тамара подложила нам свинью. Она нашла Жанне богатого жениха.

Евгений по достоинству оценил мое сообщение и приуныл, но очень быстро оправился.

— Знаешь, — сказал он, — а я даже буду рад этому. До смерти надоело видеть, как в доме крутится чужая девчонка. Живешь, как на вокзале. В конце концов, я буду тебе помогать. Вот, к примеру, сегодня я перемыл всю посуду и постирал Санькины шорты. Пусть эта Жанна выходит замуж, и фиг с ней.

— Пусть выходит, — согласилась я. Ах, если бы это было так, но вышло гораздо хуже.

На следующее утро я проснулась от того, что Жанна(у нее был свой ключ) включила кофемолку. Возможно, она всегда поступала так, чтобы принести мне в постель свежесваренный кофе, но раньше я этого не замечала.

Или раньше меня это не раздражало. Видимо, у меня прорезался дар предвидения и я уже начала чувствовать, сколько неприятностей мне предстоит пережить из-за этой Жанны. Услышав зудящий звук кофемолки, я взвилась, накинула халат и понеслась на кухню, но, встретив приветливо-покорный взгляд прислуги, смягчилась.

— Я зашла в магазин и купила свежих сливок, — сказала она, после чего я уже не могла высказать своего раздражения и лишь хмыкнула.

— Эти сливки — чистое масло: я налью их вам в кофе, — продолжила Жанна, и уж тут-то я поняла, что все еще ее люблю.

— Сегодня я на два часа отлучусь: нужно забрать ваш ко-

стюм из химчистки и сдать туда ковер. Уже договорилась с соседом, он бесплатно подбросит.

Я растаяла окончательно.

– Жанна, зачем самой тащить тяжелый ковер? Позвони – придут и заберут.

– И сдерут бешеные деньги. Нет уж, лучше отвезу сама, это несложно.

«Ну что взбеленилась, глупая, – подумала я. – Моя Жанна – человек, а не полезное домашнее животное. Пусть поступает как ей лучше, я же буду рада тому, что есть. В конце концов, она уже мне как дочь».

И жизнь наша потекла по-прежнему. Мы стали еще ближе и даже перешли на «ты», как настоящие подруги. Вечерами, когда Евгений уходил на дежурство, мы оставались одни. Жанна садилась в кресло и занималась мелкой починкой одежды Саньки: пришивала пуговицы, крючки и прочее. Я же устраивалась рядом и с великой охотой отвечала на ее вопросы.

– Хочешь знать, что было дальше, милая? А ничего: я была умна, поэтому он не мог время от времени называть меня глупышкой. Это сильно мешало развитию чувств.

А Жанна мотала на ус.

– И вы расстались?

– О да, но я недолго грустила. Гораздо раньше в моей жизни появился безумно красивый нахал. Его комплименты отличались удивительной пошлостью и безнравственностью, в

силу чего могли способствовать лишь возбуждению моего полового инстинкта, с которым я и без того не знала, что делать. В том возрасте, естественно. В общем, мы прожили целую жизнь, не вставая с кровати.

– Не вставая с кровати? Сколько же длилась эта жизнь? – изумилась Жанна.

– Уж не помню: то ли месяц, то ли три. Потом я поняла, что это исключительно благодаря тому, что мы не вставали, в противном случае я не продержалась бы и недели.

– И вы расстались?

– Естественно. К тому же выяснилось, что он решительно не готов меня содержать, поскольку по статье вылетел с работы. Была в те времена такая кара.

– И ты осталась одна? – трепещущим голосом спросила крошка.

– Я?! Никогда! Мне ли заниматься такими глупостями? К тому времени новый роман уже громко стучал в мою дверь. Мой новый Ромео, конечно, был значительно старше меня, но зато с моим содержанием не возникало никаких проблем. Я, что называется, как сыр в масле каталась.

– Но что же случилось? Он умер?

– Умер? Боже меня упаси. Только трупов мне не хватало. Он вышел у меня из моды. Я смотрела, как поспешно волосы покидают его глупую голову, и соображала, через сколько лет его лысина положит конец нашим отношениям. Живот и лысина – это то, что я не переношу в мужчинах.

– А нельзя ему было заняться спортом и сделать операцию по пересадке волос? Он же был богат.

– Нет, милочка, нельзя.

– Почему?

– Потому что к тому времени в моей жизни появился «Ак-вафреш» – тройная защита от всей семьи. За границей я познакомилась с женатым менеджером очень крупной косметической фирмы, с которым могла быть только любовь. Он щедро осыпал меня ею, а заодно – тюбиками зубной пасты. Зубы мои сверкали, как жемчуг... Но Жанна! Почему ты спрашиваешь меня только об этом? Почему тебя интересует только любовь?

Она вспыхнула и потупилась. Сердце мое заныло. Когда же днем позже она сообщила, что ее завтрашний вечер занят, я все поняла.

– Жанна, вы встречаетесь? Она сделала вид, что не поняла. Я вынуждена была идти напролом.

– Жанна, если ты встречаешься с Михаилом, не стоит от меня это скрывать. Лучше усваивай мой опыт, – посоветовала я, втайне мечтая привить своей скромнице настораживающую развязность, от которой Михаил бежал бы так далеко, как это только возможно.

Но Жанна, чистое дитя, ни о чем не подозревая, бросилась мне на шею и радостно закричала:

– Правда? Ты на меня не сердишься? Я могу все рассказать?

— Ну, конечно, милая, — ответила я, отлепив ее от себя и стараясь скрыть недовольство. — Со мной можешь быть предельно откровенна.

И она последовала этому совету. Теперь после каждого свидания с Михаилом она выдавала мне подробный отчет, я же скрепя сердце радовалась за нее и по-матерински вдохновляла на такое, что в народе иначе как распутство и не зовется.

В скором времени воспитание мое возымело плоды: Жанна резко изменилась.

День ото дня она становилась все развязней и развязней. Это не сказывалось на ее работе, нет, днем она была пайнышка, а вот вечерами превращалась в настоящую бестию. Возвращаясь со свидания, она бежала не домой, а ко мне и тут же во всех красках хвасталась своей победой над Михаилом. Делала она это, развалиясь в кресле, закинув ногу на ногу, в одной руке держа банку с пивом, в другой мой мундштук, который, как я поняла, Жанна уже давно считала своим.

Я видела, что дело идет к плохому, но (как люди слабы!) меня это устраивало. Более того, я торжествовала и считала дни до того момента, когда Михаил раскусит мою скромницу и, само собой, разочаруется в ней. Ах, как я этого хотела!

И вот наступил долгожданный день начала конца. Михаил, как обычно, отвез Жанну домой. Она помахала ему из окошка подъезда, мол, все в порядке, никто не обидел. Он успокоился, развернул машину и уехал, а Жанна и не поду-

мала стучать в свою квартиру.

Она тут же помчалась ко мне, плюхнулась в кресло, закинула ногу за ногу, открыла банку пива, сделала несколько глотков, жадно затянулась сигаретой и с гордостью сообщила:

– Свершилось! Признаться, я испугалась.

– Что? Он сделал тебе предложение?

– Да, переспать с ним, – со счастливой улыбкой подтвердила она.

Я охнула, вся обратившись в протест, совершенно забыв, что только этого и желала каких-нибудь десять минут назад. Теперь же я была охвачена праведным гневом. Наглец, да как он смеет! Так поступать с порядочными девушками?!

– И ты согласилась?

Жанна зажмурилась и радостно кивнула.

– Да!

– Это было не-под-ра-жаемо! Это! Ох, какой он мужчина! Я чуть не умерла.

Если посмотреть правде в глаза, я давно уже не девственница, а дама с богатым опытом, но понять Жанну при всем своем желании я не могла. Что тут может быть неподражаемого? И уж тем более, от чего она там собралась умирать?

Особенно, если это происходит в первый раз.

Впрочем, надо внимательней присмотреться к Михаилу. Опыт опытом, но каких только чудес не бывает?

– И на какой ноте вы расстались? – стараясь казаться рав-

нодушной, спросила я.

– На самой оптимистичной! Он проводил меня домой и овладел мною еще раз прямо в подъезде.

– В подъезде? – изумилась я. – Какая была в этом необходимость?

– Страсть! Он обожает таких скромных девушек, как я, и загорается прямо с ходу. Ничего не поделаешь. Представляешь, я в твоём французском платье, он в своём английском костюме, который чуть дешевле его «Мерседеса» и...

Я только ахнула, а Жанна, торжествуя с банкой пива в руке, продолжила:

– Как страсть берет над мужиками верх! Такой сдержанный обычно, а тут словно обезумел. Набросился на меня, кричит: «Хочу!» – и все тут. Даже про костюм забыл, а сам аж дрожит.

– И ты согласилась? – спросила я, едва справляясь с любопытством.

– А кто меня спрашивал? Он буквально изнасиловал меня.

– Просто блеск! – вынуждена была воскликнуть я.

– А ты думала!

– И какова была твоя реакция?

Она с видом умудренной опытом матроны произнесла:

– Знаешь, я где-то читала, что в глубине души каждая женщина мечтает быть изнасилованной.

– Неужели?!

– Точно-точно, но только так, чтобы знать, что это не угрожает ее здоровью и уж тем более жизни. Так вот, могу тебе сказать, что это правда.

Когда он набросился на меня, я искренне оказывала сопротивление, но отдалась ему с таким удовольствием, какого вообще никогда не испытывала. Сама удивилась.

– Неужели?!

– Точно-точно. Приятно, когда мужчина из-за тебя теряет голову, просто звереет. Именно звереет. Он был как сумасшедший.

– Я думаю! Если прямо в подъезде да еще в английском костюме, тут уж об уме говорить не приходится. И как только вам это удалось?

– Стоя.

– Как же стоя? – изумилась я, вспомнив об их значительной разнице в росте.

– Просто. На ступеньку выше поднялась и к стеночке прислонилась. Очень даже ничего. Советую попробовать при случае.

– Ну, милочка, все, что мне нужно, я уже попробовала, – смутилась я. – И что он теперь говорит?

– Говорит, что теперь хочет быть со мной всегда!

– Они все так говорят, главное – разобраться, что при этом имеют в виду, – постаралась я охладить ее пыл, да где там.

Жанна трепетала от любви к Михаилу. Она тут же поведала мне, как искусна сегодня была и в какой восторг приве-

ла его своим мастерством.

– И он не удивился? – озадачилась я.

– Нисколечко! Он был счастлив!

– Но где ты всему этому научилась?

– Как «где»? Как же это «где»? Да у тебя же! Ты сама мне все это открыла.

Сказать, что мне сделалось дурно, – это не сказать ничего. Я захлебнулась от презрения к себе. Боже! Какая извращенная у меня фантазия! И все это я вывалила ребенку?! Поверить не могу! Как далеко, оказывается, иногда меня заносит. А я считала себя удовлетворенной, но откуда же это взялось?..

– Жанна, я не могу сказать тебе: «Продолжай в том же духе». «Не вздумай больше так поступать», – я тоже сказать тебе не могу. Но будь осторожна. От этого бывают не только сифилис, гонорея и СПИД, но – что, быть может, еще ужасней – и дети.

Она рассмеялась и, беззаботно махнув рукой, сказала:

– Тем раньше мы поженимся.

– Но ведь речи об этом не было, – напомнила я. – Он сказал лишь, что хочет всегда быть с тобой. Вы лежали в постели?

– Ну да.

– Вот это он и имел в виду. Жанна, умоляю, будь осторожней. Богатые мужчины зачастую безнравственны по отношению к женщинам, особенно, если те бедны. Не попадай

в западню. В любом случае, можешь рассчитывать на меня, Всегда помогу и советом, и делом.

Не могу передать, как я была расстроена. Я уже забыла о всех своих планах, такое тяжелое предчувствие охватило меня.

«Если моя глупая Жанна вляпается в беду, никогда не прощу себе этого», – подумала я, недоумевая, как могла я пойти на такую гадость, когда в мире и без меня хватает зла.

Но исправлять что-либо было поздно. Глупо объяснять ей, что пошло сидеть в кресле, закинув ногу на ногу в присутствии пожилой женщины (это я о себе), и уж совсем нехорошо пить пиво по-мужски прямо из банки. Да и вообще, зачем его пить? И мундштук этот дурацкий делает ее похожей на куртизанку, к чему, правда, в большинстве своем женщины и стремятся. И наряды ее чрезмерно дерзки, хоть и берет она их в моем гардеробе. Все плохо! Очень плохо, но теперь ее не переубедить. Она лишь замкнется, а я потеряю над ней контроль.

Я решила по-прежнему разыгрывать из себя опасную соблазнительницу.

Чтобы не терять у нее авторитет, на вопрос, как это было впервые У меня, я тут же сочинила еще одну идиотскую историю.

– Это было в горах. Над пропастью на дереве. На очень толстой ветке. Он чрезвычайно увлекся, а я умирала от страха. Чувствуя, как с каждым движением сползаю к более тон-

кой части ствола, я с удивительной ясностью осознала, что выражение «сорваться с члена» не является бессмысленной абстракцией. «Еще немного, и это произойдет со мной», — обреченно подумала я, тем самым испортив себе первое впечатление.

— Нет! Нет! — воскликнула Жанна. — Это очень красиво! Мы обязательно попробуем!

«Ну вот, — опечалилась я, — опять научила плохому. Еще, чего доброго, сверзнутся в пропасть, а я буду грызть себя всю оставшуюся жизнь. Впредь буду осторожней, но как быстро меня заносит».

С того дня я полностью поменяла свое мнение относительно судьбы Жанны и теперь мечтала о ее браке с Михаилом. Угрызения совести были ужасны. Я своими руками едва не довела хорошую девушку до безобразия. Да и довела. Один бог знает, захочет теперь Михаил жениться на ней или нет.

Глава 6

В тот же вечер, когда Жанна ушла домой, я позвонила Тамаре.

– Ну что, сводня, как у твоего жениха дела? – осторожно поинтересовалась я.

– Не знаю, Мама, давно его не видела, – не менее осторожно ответила та.

– Зато я знаю. Уже несколько месяцев он каждый день встречается с моей Жанной и изрядно этой глупышке вскружил голову... Тамара оживилась.

– Мама, точно, это так, – радостно призналась она. – Михаил тоже от нее без ума. Просто бредит ею. Только и слышу, какая его Жанна необычная: скромная, застенчивая, серьезная. Уверена, дело движется к свадьбе.

Да с моей ли Жанной встречается ее Михаил? Впрочем, мне стало значительно легче.

– К свадьбе, говоришь? – переспросила я. – Не рано ли?

– А стоит ли тянуть? Михаил уж не мальчик, тридцать стукнуло.

– В прошлый раз, помнится, ты говорила, что двадцать восемь.

– Ах, Мама, к чему счеты, два года туда, два года сюда – какая разница.

Ведь мы же с тобой ошибаемся на десятки лет, когда речь

идет о нашем возрасте, так к чему эта мелочность?

Пришлось согласиться, что ни к чему.

– И дело не только в Михаиле, – продолжила она. – Такие чистые создания, как Жанна, на дороге не валяются, так зачем же теряться?

«Да уж, – подумала я, – это ты давно ее не видела. Но Михаил-то видит каждый день».

– Ты точно уверена, что он намерен жениться? – с тревогой спросила я.

– Абсолютно, и сделал бы предложение хоть сегодня, когда бы не его любимая родительница. Она и слышать не желает о мезальянсе.

Этого я боялась больше всего.

– Ну, милочка, – с напором возразила я. Мезальянс еще никому не навредил. Я сама многократно вступала в неравный брак и знаю, что гораздо сильнее отношениям мешают разные взгляды на то, кому мыть посуду или выбивать ковры.

– Увы, это так. Я в очень дружественных отношениях с матерью Михаила, и, клянусь, она исправима. Надо только с ней поработать.

– Ну так поработай, пожалуйста, раз уж ты втянула меня в такую передерягу. Мне уже чудится, что кто-то все время стоит за моей спиной и дышит в затылок. Представляешь, в каком состоянии мои нервы?

– Представляю. Можешь не сомневаться, Мама, поработаю. Очень скоро Михаил сделает Жанне предложение.

И Тамара не обманула. Долго мучиться сомнениями, бессонницей и самобичеванием мне не пришлось. Недели две я, расширяя познания в сексе, вечерами слушала откровения Жанны, а потом наступил столь желанный момент. Она, наконец, произнесла долгожданную фразу:

– Миша сделал мне предложение.

– Ты имеешь в виду законный брак? – на всякий случай удостоверилась я.

– Да, он просил моей руки и сердца.

– Надеюсь, это было не в постели, потому что мужчинам в постели я не доверяю.

– Нет, это было в очень торжественной обстановке, – с мечтательной улыбкой произнесла Жанна, и тут же личико ее исказилось гримасой боли.

Я разволновалась:

– Что? Что еще не так?

– Все так, – с тяжелым вздохом сказала она. – Все очень так, но теперь он хочет видеть моих родителей, чтобы просить моей руки.

Я тоже вздохнула, но с облегчением.

– И прекрасно, это говорит лишь о том, что он порядочный мужчина, уважает тебя и чтит традиции. Что же тут вздыхать?

– Да, но я не могу привести его в свой дом! – закричала Жанна.

Впервые она закричала, во всяком случае, я такое услы-

шала впервые и очень рассердилась.

– Успокойся, – сказала я. – Почему ты не можешь привести домой Михаила, когда наша Маруся о твоей семье выдала самые лестные отзывы? А она в своем буфете научилась неплохо разбираться в людях. Так что – не дури. Пусть парень придет и сделает предложение по всей форме.

– Но куда? Куда он придет? В мою конуру? Он же сразу меня разлюбит, как только увидит нашу нищету. Ты же не знаешь, как мы живем! У нас в прихожей стоит шкаф шестьдесят четвертого года.

– Пусть думает, что это антиквариат.

– Мама и папа спят на железных кроватях с дурацкими набалдашниками на спинках.

– Железные кровати опять в моде, и как раз с этими дурацкими набалдашниками.

Жанна схватилась за голову:

– Да нет! Нет! Это невозможно. На полах вместо ковров половички из кусочков ситца.

– И это очень модно.

– А на кухне радиоприемник времен Черчилля, велосипед брата Кольки висит на стене в туалете, а в ванной! Боже! Чего там только нет: тазы, доски, гантели Петьки, скейт Сережки, и бабушкин медный таз – опять же на стене.

Только ванны там нет, а так все есть. Все, что давно пора выбросить. Это не квартира, а трущоба!

Жанна, разрисовывая ужасы своей квартиры, пришла в

гораздо большее отчаяние, чем я, знающая толк в жизни. Было очевидно, что нужны веские аргументы. И они у меня были.

– Зато у вас много детей, – с преувеличенным восхищением воскликнула я.

– Михаил, как единственный ребенок в семье, это поймет и позавидует. Не бойся, он не разлюбит тебя. Богатые мужчины за это не разлюбят. В худшем случае будет любить как прежде.

– А в лучшем?

– Полюбит еще сильнее, – компетентно пообещала я.

– Почему?

– Да потому, что он будет счастлив. Он сможет дать тебе то, чего катастрофически не хватает в твоей жизни. Не об этом ли мечтают настоящие мужчины? Михаил будет счастлив твоим счастьем и очень горд. Обязательно отведи его туда, где все предметы обихода развешаны по стенам.

Жанна несколько успокоилась.

– Это правда? Это точно мне не повредит? – шепотом спросила она, видимо, в компенсацию за свой отчаянный крик.

– Конечно, милая. Как говорила моя бабуля, покойная Анна Адамовна, умеи извлекать добро из зла и пользу из вреда. Только представь, твой Михаил во всем блеске своего богатства входит в дом, где велосипеды и тазы на стенах и лоскутные половички на полах. Он даже помыслить не мог, что в

наше время такое возможно. И посреди этой нищеты стоишь ты – прекрасная, юная, чистая, свежая – и сгораешь со стыда! Как думаешь, что ему сразу захочется сделать?

Жанна лишь пожала плечами и призналась:

– Не знаю.

– Ему сразу захочется на руках вынести тебя из этого убожества и осыпать... Ну, уж не знаю, чем он там захочет тебя осыпать, но, поверь моему опыту, обязательно чем-нибудь достойным. Абсолютно уверена, он проявит щедрость.

В дальнейшем так и получилось. Жанна послушалась меня и окончательно завоевала сердце Михаила. Он пришел в ее дом, с должным уважением отнесся к ее родителям, испросил их благословения, а потом увез ее в свой рай и долго-долго целовал ее пальчики, за что-то просил прощения и клялся, что никогда и ни в чем она больше не будет нуждаться.

Я даже прослезилась, когда услышала все это. Тонкий душевный порыв, исходящий от мужчины, я не могу воспринимать хладнокровно. Это умиляет меня почти как медведь, танцующий на задних лапах.

– И когда же теперь свадьба? – спросила я, прикладывая к глазам платочек.

– Завтра он представит меня своей матери, – ликуя, сообщила Жанна. – И я ее очень люблю.

– Уже?

– Да, хотя ни разу ее не видела.

– Вот и не спеши, – посоветовала я и задумалась.

Жанна с улыбкой наблюдала за мной и ждала, что я еще скажу.

– Значит, представит матери? – спросила я минуту спустя. – А почему только матери? А отцу?

– Об отце он ничего не говорил.

– Но у него есть отец. Я это точно знаю. Раз о нем не было речи, значит, дело плохо.

Моя наивная Жанна в недоумении хлопала глазами. Она еще не знала, что женщина с любимым мужем зачастую получает и... свекровь. Не буду выдавать никаких эпитетов, потому что свекровь сама по себе является эпитетом. Уж я-то знаю. Их у меня было (и эпитетов, и свекровей)... Впрочем, чур меня, чур. Даже и вспоминать вредно.

– Жанна, – сказала я. – Если Михаил собирается представить тебя матери и даже не вспоминает об отце, это значит только одно: мать для него самый главный человек в его жизни. Тридцать лет, а Михаилу именно столько, она жила на своем высоком пьедестале. Она прочно обосновалась там и вряд ли захочет потесниться. Следовательно, тебе предстоит тяжелая жизнь. Я огорчена.

Жанна испуганно посмотрела на меня и спросила:

– И что же мне делать?

– Ах, как жаль, что я не знаю твоего Михаила. Уже этого было бы мне достаточно. Но в любом случае она – подруга моей Тамары, а это говорит о многом. Радует и то, что ты

ужилась со мной, следовательно, уживешься и с чертом. Но я хочу тебе счастья, а эта его мать кого хочешь заставит вальтася у своего пьедестала. Я это чувствую. Придется брать инициативу в свои руки. Что Михаил знает обо мне?

Жанна опешила.

– Ничего? А почему же такая растерянность? Бедняжка потупилась, покраснела и пролепетала что-то нечленораздельное. Это меня насторожило.

– Ну? Признавайся, Жанна, что ты успела отмочить?

– Я сказала, что ты моя тетя, – призналась она и втянула голову в плечи, словно я собиралась ее бить.

Будто я когда-нибудь кого-нибудь била... по голове. Будто нет для этого более подходящих органов.

– Умница! – обрадовалась я. – Все очень неплохо складывается. Из этого следует: Михаил не знает, что ты работаешь прислугой. Мужчина, особенно если он муж, даже мысли подобной не должен допускать. К тому же такое незнание убережет тебя от последующих упреков, которые в семейной жизни неизбежны.

Она не сразу поняла мое настроение.

– Так ты не сердишься? – с сомнением спросила она.

– Я довольна. Теперь на правах родственницы я могу публично вмешаться в чужую жизнь, а что может быть лучше?

– Не знаю, – призналась Жанна.

– Поживешь с мое – узнаешь, – заверила я. – Михаил уже сообщил тебе дату?

– Какую дату?

– О боже! Да тот «счастливый» день, когда должна состояться твоя встреча с его нежно любимой мамочкой! Этот день определен?

– Да, это будет в следующее воскресенье.

– Прекрасно, – воскликнула я. – В противном случае мне бы не захотелось переносить вечеринку, и мамочке пришлось бы подождать. Но ей повезло, мы с Марусей наметили вечеринку на субботу. По этой причине я не уверена, что в воскресенье буду достаточно свежа, но я и не боюсь огорчить мамочку.

Жанна насторожилась.

– Что ты задумала? – спросила она.

– Иди, дитя мое, домой и спи спокойно. Твоя тетушка о тебе позаботится.

Она ушла, но вернулся Он, стоящий за моей спиной. Он снова дышал мне в затылок, от чего становилось жутко. И почему Он выбирает именно такие моменты?

Когда я совсем одна.

Я пожалела о том, что не разрешила остаться Евгению. Санька, хоть и будущий мужчина, но еще плохой защитник, особенно от привидений.

Глава 7

Я, стараясь не замечать дыхания на затылке, позвонила Тамаре. Ее удивил мой поздний звонок.

– Мама, ты почему не спишь? – возмутилась она. – И людям спать не даешь!

– Тома, он опять пришел, – сообщила я зловещим шепотом.

– Кто он? – спросила она и скандальным тоном добавила:

– Даня, скотина, опять стянул с меня одеяло! У меня радикулит! По твоей вине!

– А мое где? – услышала я отдаленный голос Дани. – У меня тоже радикулит.

– Твое на полу, эгоист! – цыкнула Тамара и пожаловалась, думаю, уже мне:

– Никакой нет жизни, ни днем, ни ночью.

Проза жизни подруги подействовала на меня благоприятно. Дыхание за спиной стало почти незаметно.

– Так что там у тебя? И почему ты шепчешь? – насторожилась Тамара.

Видимо, окончательно проснулась.

– Стоящий вернулся, – сообщила я. – Мой затылок онемел от его дыхания.

Теперь, правда, отошел, почуяв вашу борьбу за одеяло. Тактичный, черт.

– Ой, Мама, надо тебе к Джуне. Хочешь, составлю протекцию?

– Нет, нет, – испугалась я, – мне своих «тараканов» хватает. Это все Жанна. И даже не она, а твоя подруга. А мне нельзя нервничать, и надо кое-что узнать.

– Так спрашивай, – зевая, разрешила она. – Но не увлекайся, помни, что уже ночь.

Я была кратка и с помощью нескольких вопросов составила заочное мнение о матери Михаила. Выяснилось, что она не так уж плоха, но роль свекрови испортит кого угодно.

– А зачем тебе это, Мама? – заинтересовалась Тамара.

– За тем, что я тетушка Жанны. И не вздумай проболтать-ся, что это не так. Как ты объяснишь тот факт, что Михаил сначала просит у родителей Жанны руки и сердца их дочери, а уж потом решается познакомить невесту с ее будущей свекровью? Обычно поступают наоборот. Тем более что он прилежный сын.

– Объясняю тем, что я сама так ему посоветовала. Чем дальше пойдет дело, тем меньше будет аргументов у Лизы. Кстати, ее зовут Елизавета Павловна.

– Это я уже поняла. А твоя Лиза в курсе, что ее сын сделал предложение девушке?

– Да, Мама, я вчера ей об этом сказала, – голосом, полным трагизма, сообщила Тамара.

– И как она держит удар?

– Прекрасно. «Мой Миша не маменькин сынок, а само-

стоятельный мужчина.

Он волен принимать решения сам, без моей помощи», — сказала она, хотя я точно знаю, что был скандал со слезами, «Скорой помощью» и проклятиями.

— И чем недовольна эта несчастная?

— Я же говорила, она против мезальянса. Отец Михаила в прошлом крупный чиновник. Он и сейчас занимает видное положение. Сама Лиза тоже очень деятельная женщина, у нее два фонда, партия и бизнес. О Михаиле я уже и не говорю. Он, конечно, получил великолепный старт, но многим и это не помогло. Он же трудолюбив, умен, образован...

— Хватит, хватит, я все поняла, лучше признайся, он действительно маменькин сынок?

— Безусловно.

— Тогда как же он решился самостоятельно выбрать себе жену?

— Потому и решился. Жаждет независимости.

— Ты уверена? Тамара рассердилась.

— Мама, он не в первый раз открывает мне душу, и уж я-то знаю, что там внутри. Он до смерти боится современных эмансипированных женщин, потому и в восторге от твоей Жанны, потому и решился в первый раз пойти против воли матери.

Я озабоченно посмотрела за окно. Рассвет был близок, а у меня еще столько незадаанных вопросов. «Придется ограничиться самыми важными», — подумала я и спросила:

– Чего же ей надо от невестки?

– Лиза не хочет, чтобы после ее смерти судьба Миши оказалась в руках какой-нибудь тюхи. В лице невестки ей нужна крепкая рука.

Это было как раз то, что нужно и мне.

– Крепкую руку Лиза получит в моем лице, – заверила я Тамару, точно зная, как мне теперь поступить.

На следующий день я набрала номер телефона Лизы (им меня снабдила Тамара) и представилась.

– Ах, как я рада! – воскликнула Елизавета Павловна. – Как я рада! Я читала все ваши книжки и давно мечтала с вами познакомиться.

– Так, может, ваша радость станет еще полней, если вы узнаете, что это может произойти в ближайшее время, поскольку нам предстоит породниться, – сказала я и выдержала паузу.

Елизавета Павловна тоже выдержала паузу, а потом растерянно произнесла:

– Простите, не поняла...

– Разве Тамара не говорила вам, что девушка, на которой ваш сын собирается жениться, – моя племянница? Если не говорила, то я рада сообщить вам эту приятную новость.

– А...э...

– Более того, Жанна мне почти как дочь, – добавила я, чтобы усилить впечатление.

– Э...а...

– И я принимаю живое участие в ее воспитании и судьбе, – уж здесь-то я не солгала ни словом.

– Ах вот оно как, – наконец-таки пришла в себя Елизавета Павловна. – Миша мне что-то говорил, но, видимо, я не совсем поняла.

Миша ей ничего не говорил, а моя Тамара – тем более, поскольку об этом только ночью узнала сама.

– Ваш Миша прелесть, – запела я. – Видела его всего лишь раз на юбилее у Тамары и теперь молю бога, чтобы и мой сын вырос таким же. Во всяком случае, теперь мне ясно, к чему надо стремиться. Даже жаль, что он остановил свой выбор на Жанне, хоть она и моя племянница.

– А чем плоха Жанна? – насторожилась Елизавета Павловна.

– Жанна? Я ей желаю счастья. Она обладает всеми необходимыми идеальной жене качествами, но у нее слишком твердый характер. С детства она была такой: ангел, а не ребенок. Добрая, отзывчивая, послушная, честная, трудолюбивая, терпеливая, нежная, веселая, тактичная и так далее, но как упрется порой, как найдет на нее, тут уж никто с ней не сладит.

– И во что же она упиралась?

– А это в зависимости от обстоятельств. С малых лет она была необычайно умна и точно знала, что ей нужно. Это уже потом нам приходилось соглашаться, что она была права, а поначалу казалось: сплошная блажь. Одно утешение, Жанна

редко качает права и делает это в очень тактичной форме. Тамара боготворит вашего Мишу.

– Да, я знаю, – сдержанно ответила Елизавета Павловна, – Тамара Мишу очень любит, но она и Жанну очень хвалила.

– Жанну трудно не похвалить, но из соображений высшей справедливости считаю своим долгом вас предупредить: она очень упряма и для женщины бывает чрезмерно тверда. Правда, она еще ребенок и легко поддается воспитанию, но ухо с ней надо держать остро. Она крепкий орешек.

– Да что вы говорите, – забеспокоилась Елизавета Павловна.

– Именно, – подтвердила я, – Ситуация осложняется тем, что она однолюбка и вряд ли по доброй воле откажется от вашего Михаила. Это качество она унаследовала от своей матери, моей старшей сестры. Эта дурочка до сих пор обожает своего мужа, нарожала ему сумасшедшее количество детей и живет в нищете, а когда-то была красавицей и могла рассчитывать на выгодную партию.

Жанна бедна как церковная крыса. И все по прихоти своей матери. Будь ее мать умней и не влюбись в отца Жанны, все могло быть иначе. А сейчас я не могу смотреть без слез на своих многочисленных племянников и племянниц.

– О! Что вы говорите! – только вздыхала моя собеседница.

– Да. Мать Жанны и теперь еще красивая женщина, и не будь у нее этой глупой любви, можно было бы как-то исправить положение. На свете достаточно мужчин, умеющих за-

работать на приличную жизнь.

(Здесь я, пожалуй, немного загнула лишнее.) – Он что же, пьет, этот муж, отец Жанны? – пришла в недоумение Елизавета Павловна.

– Если бы! Он все свободное время посвящает воспитанию детей, а мог бы брать сверхурочную работу и получать неплохие деньги. Вместо этого ходит с мальчиками на рыбалку, учит их мастерить табуретки и прочее и прочее.

– Но ведь это похвально.

– Вы считаете? – удивилась я.

– Что же тут плохого, если отец любит своих детей и отдает им все свободное время? И вообще, Софья Адамовна, я не поняла, вы что, против?

Я выдержала паузу, подчеркивая чрезвычайную важность того, что собираюсь сказать, и с достоинством продолжила:

– Елизавета Павловна, если вы имеете в виду брак, то да. Я против, и простите меня за откровенность, но мы уже люди не чужие.

Она, похоже, расстроилась. Думаю, из чувства противоречия.

– Да почему же вы против? – эмоционально воскликнула она.

– Жанна из бедной семьи и не должна была влюбляться в вашего Михаила, – произнесла я голосом, полным трагизма. – Хотя здесь-то как раз я могу ее понять, но нет ведь никакой уверенности, что и другим детям моей сестры так же

повезет. Они начнут ей завидовать, пойдут ссоры... Нет-нет, это нехорошо. Я не сторонница неравных браков.

— Здесь я с вами согласна, — живо откликнулась мать Михаила, — в основном это выглядит плохо, но бывают и исключения. Софья Адамовна, отвечая благодарностью на вашу откровенность, хочу знать: почему вы мне позвонили?

«Хороший вопрос, — подумала я. — Но так я тебе и призналась!»

— Жанна сказала, что в ближайшее время состоится ваше знакомство.

Девочка чиста, наивна и даже не подозревает о сложностях семейной жизни. Она безумно любит Михаила и, как сегодня мне открылась, уже заочно любит вас. Мне хотелось бы уберечь ее от возможных травм. Пока дело не зашло слишком далеко, я подумала, что, может быть, если мы с вами найдем общий язык, еще не поздно будет расстроить этот брак.

— Что вы говорите! — В голосе собеседницы прозвучало неподдельное возмущение. — Чтобы я устраивала интриги за спиной своего сына? Пусть будет так, как уготовлено судьбой.

«Браво! — подумала я. — Я не ошиблась в подруге Тамары. Не женщина, а кремень».

— Мне очень стыдно за свою неловкость, — вновь запела я. — Поверьте, я не хотела вас рассердить и уж тем более обидеть, и руководствовалась самыми лучшими чувствами.

Жанна мне как дочь. Я уже жалею, что решилась на эти переговоры. Вовек себе не прощу, если сделала только хуже.

– Успокойтесь, никому вы хуже не сделали, – смягчившись, заверила меня Елизавета Павловна, – а поступили вполне честно, прямо выразив свою позицию по этому вопросу. В любом случае, это не телефонный разговор. В ближайшее время нам надо встретиться и познакомиться поближе.

– Да, конечно, и я была бы счастлива видеть вас у себя в это же воскресенье. Очень надеюсь, что этот день вас устроит. Я приготовлю легкий ужин...

– Спасибо, – прервала меня она. – Надо подумать. Если не возражаете, я завтра вам позвоню.

Я не возражала и, пожелав ей всего хорошего, тут же бросилась набирать номер Тамары, но в трубке раздавались короткие гудки. Я сделала вывод, что Елизавета Павловна меня опередила. Короткие гудки раздавались очень долго.

Целый час я рысью металась у телефона, пока не сообразила позвонить мужу Тамары.

– Даня, мне срочно нужна твоя жена, она дома?

– Где-то здесь, дома.

– Тогда извлеки ее мне.

– Сейчас, Мама, – ответил Даня и пошел извлекать, но очень скоро вернулся и сообщил:

– Она разговаривает по мобильнику.

– Именно поэтому я тебе и звоню. Разговаривает она уже

целый час. Если не хочешь разориться, прекрати, пожалуйста, это безобразие.

– Хорошо, – сказал Даня и пошел прекращать.

Прекращал он довольно долго, еще минут пятнадцать, после чего Тамара мне позвонила сама.

– Мама, что ты наговорила Лизе? – возмущенно спросила она.

– Лучше скажи, какое у несчастной составилось обо мне мнение?. – кротко поинтересовалась я.

Тамара предварила ответ тяжелейшим вздохом.

– Ой, Мама, ты бы и не спрашивала. Если обобщить и сильно смягчить, то в ее глазах ты личность странная.

– А если не обобщать и не смягчать?

– То отпетая мерзавка.

– Великолепно, – сказала я, мысленно потирая руки. – Лучшего трудно было ждать.

– Да что же тут хорошего? Особенно, если учесть, что ты, самозванка, представилась тетушкой Жанны. Или ты переменила планы, решив оставить ее в пожизненных домработницах?

Возмутительно! Как могла она такое обо мне подумать?!

– Нет, – ответила я, – планы мои прежние: я желаю Жанне счастья и уже приняла для этого ряд мер.

– Я в курсе. Лиза советовалась, можно ли отправиться в гости к такой малахольной, как ты. И не нанесет ли это удар по ее безупречной репутации.

Должна сказать, что ты глупо себя повела.

– Лучше скажи, как ты выкрутилась.

По новому вздоху я поняла, что Тамара сражалась за меня, как лев, и восстановила мое доброе имя, во всяком случае впечатление Елизаветы Павловны подверглось значительным коррективам.

– Я выкрутилась, – подтвердила мои ожидания подруга. – Чего я только не плела, вспомнила даже наше мокрое детство. Короче, она успокоилась, согласившись, что женщина, пишущая книги, нормальной просто не может быть, а известная доля «тараканов» не очень портит хорошего человека.

Не могу сказать, что слышать это было приятно, но меня такой глупостью не пронять. Особенно, когда речь идет о серьезном.

– Как это понимать? – деловито уточнила я. – Придет она в воскресенье или нет?

– Придет, Мама, придет, – успокоила меня Тамара. – Там же познакомится и с Жанной. Мы решили, что так даже лучше.

– Ее не удивило, что знакомство с тетушкой состоится раньше, чем с остальными родственниками?

– Нет, не удивило. Ты не оставила ей сомнений, кто в доме хозяин, – заключила Тамара.

На следующий день в моей квартире раздался звонок. Елизавета Павловна приняла приглашение. При этом она об-

ращалась ко мне с вежливостью доктора психиатрической клиники, разговаривающего с одним из самых трудных своих Пациентов.

Значит, в ее глазах крыша моя подъезжает... Что ж, в этом есть своя прелесть. Сколько можно слыть умной? Надоело.

Глава 8

Договорившись с Елизаветой Павловной, я утомилась и решила со спокойной совестью отдаться предстоящей субботней вечеринке.

На старости лет Марусе приспичило блистать. Видимо, любовь Ивана Федоровича осложнила ее жизнь. Ей захотелось светскости. Вечеринки стали нормой нашей жизни. Первое время я пыталась оказывать сопротивление, но Маруся восстала.

– Впервые в жизни мне попался достойный мужчина! – возмутилась она. – Так дай же мне насладиться счастьем.

– И предыдущие твои мужчины были совсем неплохи, – возразила я и, подумав, добавила:

– Каждый по-своему.

– Вот именно, каждый по-своему – неплох, а все вместе – ужас. Я прямо вся негодую, как вспомню, сколько моей крови было выпито!

– Если брать Акима, то он предпочитал «Абсолют».

– А мой Ваня предпочитает любовь, – с гордостью заявила она. – И если я не буду разбавлять любовь вечеринками, он быстро заскучает.

– Чем больше будешь стараться, тем скорее это произойдет, – пообещала я и тем едва не довела Марусю до слез.

– Пойми же ты, – завопила она. – Это единственный в мо-

ей жизни мужчина, который не только достает мне до плеча, но даже может обхватить меня за талию, и при этом ему хватает рук.

Вот тут я ничего не могла возразить. Аргумент был сильный. Выше Маруси я видела только гориллу в зоопарке. То же могу сказать и о ее знаменитой талии.

Маруся – наша всеобщая гордость, достояние всех друзей и знакомых. Она героиня многочисленных побасенок и анекдотов. Положа руку на сердце каждый, кто знает ее, вряд ли согласился бы стереть ее из своей памяти. Она способна украсить жизнь любого и сильно украшает. В своем эгоизме мы забываем о ее женском счастье. А ведь ей с темпераментом, помноженным на размеры тела, живется совсем непросто.

Я смирилась с вечеринками. Они прочно вошли в мою жизнь. Маруся терпеть не могла спонтанности. Она тщательно расписывала сценарий, который не соблюдался никогда. В основном, по вине мужчин. Ну не привыкли наши мужчины пить по сценарию. Нет, до первых двух рюмок они еще как-то держались, пытаясь соответствовать ее представлению о светском времяпрепровождении, а вот потом все неизбежно шло кувырком.

И что интересно: никогда не хватало спиртного. Сколько бы бутылок мы ни заготовили впрок, к концу, а то и к середине вечеринки обязательно приходилось посылать кого-нибудь в магазин «24 часа».

Дальше – хуже. Некоторые участники вечеринок стали являться в назначенное время уже изрядно навеселе. Видимо, из опасения, что до нужной кондиции снова не хватит одной бутылки. Но не спасало даже это. За бутылкой все равно приходилось бежать. Удивительным образом расход закуски не увеличивался.

В этом – тайна русских вечеринок.

Предвидя вышеперечисленные заморочки, Маруся каждый раз старалась избежать проблем. Хотя лично я не стала бы относить поход за бутылкой в разряд проблем русского человека. Но Маруся придерживалась европейской точки зрения и неутомимо стремилась к порядку. За несколько дней до вечеринки она разворачивала бурную деятельность. С утра до вечера висела на телефоне, тщательно изучая аппетиты друзей.

Мужчины, как один, клялись, что одной бутылки на всех хватит за глаза, если бутылка будет двухлитровой. При этом они всегда имели в виду, что остальное втихаря принесут с собой. Маруся, пользуясь опытом, накопленным за буфетной стойкой, делала из выпитанного надлежащие выводы и составляла меню.

В тот день, как обычно, она прибежала раньше всех и прямо с порога окунула меня в сложную гамму своих чувств к Ивану Федоровичу.

– Тес, – зашипела я, – Жанна еще не ушла. Не стоит посвящать ее в тайну твоих оргазмов.

– Не стоит, – согласилась Маруся. – А где она?

– На кухне готовит бутерброды, хотя через час у нее свидание.

– Ну-у, ты изверг, старушка! Что же мы, сами не управимся по старинке?

– Если хочешь, управляйся. Тогда я отпущу Жанну, но на меня не рассчитывай.

Ей нестерпимо хотелось поделиться своим личным счастьем во всех подробностях. Она, рискуя новым платьем, устремилась на кухню. Жанна охотно приняла помощь, и только мы ее и видели.

– Смотри не загуливайся, завтра у нас встреча с матерью Михаила! – крикнула я ей вслед.

– Ой, старушка, взвалила ты на себя ношу, – сочувственно произнесла Маруся и тут же переключилась на достоинства Ивана Федоровича.

За обсуждением его достоинств время пролетело быстро.

– Ну? Будем потихонечку перебираться в гостиную? – окидывая удовлетворенным взглядом тарелки с закуской, спросила Маруся.

– Будем, но учти, там Санька.

– Ерунда, – усмехнулась она и, подхватив поднос с мясным ассорти, двинулась к двери. Я с селедкой «под шубой» – за ней. Санька встретил нас вопросом:

– Мама, а что такое демократия?

– Видишь, старушка, как людям политикой голову замо-

рочили. Больше бы говорили про любовь.

– Нет, нет, пусть лучше про политику, – испуганно возразила я, вспоминая недавнее увлечение ребенка и его щекотливые вопросы.

– Что же тут хорошего, – возразила Маруся. – Уже пятилетний ребенок хочет знать, что такое демократия. Этого все хотят знать, дорогой мой, – закричала она, наклоняясь к Саньке и придавливая его своим необъятным бюстом, наполовину выпавшим из широкого декольте. – Не один ты такой умный.

– Ой, тетя Маруся, чем ты на меня упала! – пришел в восторг Санька.

– Иди, сынуля, поиграй, не мешай накрывать на стол, – сказала я, с улыбкой наблюдая, как тетя засовывает свой выпавший бюст обратно в декольте.

В этот миг раздался звонок.

– Это Ваня! – радостно закричала Маруся и с жутким топотом выбежала в прихожую.

– Это не Ваня, – горестно сообщила она, ведя за собой Елену, невесту Сергея.

– Серега еще не пришел? – спросила та, шаря по углам глазами и протягивая Саньке шоколадку.

– Нет, но обязательно будет, – успокоила я ее. – Разве не знаешь, твой Серега и мой Астров – сиамские близнецы. Астров звонил, предупреждал, что слегка задержится, значит, то же случится и с Серегой. – Тетя Лена, а что такое демо-

кратия?

Заворачивая шоколадку, встрял в разговор Санька. Он очень хотел знать.

– Боже мой, сынок, это слово такое, – рассердилась я. – И прекрати до ужина есть шоколад!

– Жанна меня поужинала йогуртом и кашей, – сообщил он, запуская свои острые зубки в плитку шоколада. – Мама, демократия – это слово и все? – спросил он уже с набитым ртом. – И больше ничего?

– Уж поверь мне, и больше ничего, – заверила его Маруся и обратилась к Елене:

– Принеси из холодильника минеральной воды. Что-то я нервничаю.

– Ты всегда нервничаешь, когда рядом нет Ивана Федоровича, – ответила та, но за водой пошла.

– Мама, но это едят или с этим играют? – не отставал Санька.

– С демократией? – я задумалась. – Скорей играют.

– А как играют?

Тройной звонок прервал нашу беседу. Маруся с воплем «это Ваня!» выбежала в прихожую.

– Нет, не Ваня, – крикнула я ей вслед. – Так звонит только Роза.

Роза – очаровательная непоседа – полная противоположность своему мужу, мрачному молчуну.

Я не ошиблась. Это действительно была она.

– Все в сборе? – защebetала она своим высоким, звонким голосом. – Что?

Бабье царство? И я одна. Мой Пупсик придет часом позже. Я дала ему задание заехать в кондитерскую за тортом.

– Нашла кому доверить торт, – осудила ее Маруся. – Ты прямо обалдела.

Разве можно мужикам доверять такое ответственное дело?

– Моему мужику можно, – успокоила ее Роза и прошла в комнату. – А где тут Санька? А что я ему принесла! – раздалось ее сюсюканье.

– Тетя Роза, а что такое демократия? Вы умеете в нее играть?

– Ну что ты, маленький, я же не политик, – рассмеялась Роза.

– Да объясни ты ребенку, и пусть он отвяжется, – не выдержала Маруся.

– Хорошо, – согласилась я, – объясняю: демос – народ, кратия – власть.

Следовательно: демократия – власть народа.

Но тут уж озадачилась Елена.

– Если те, у кого власть, – народ, кто же тогда мы? – спросила она.

– Мы – те, кто народ выбирает, – бойко ответила Маруся. – Иначе вообще непонятно, для чего мы.

– Выбирает на выборах, – уточнила я.

– Значит, мы для выборов! – радостно сообщил Санька.

– Ну, примерно так, – согласилась Роза и, захлопав в ладоши, закричала:

– Девочки, девочки, есть предложение. Давайте не ждать мужиков, а садиться.

Сядем первыми и съедим все самое вкусное. Это будет очень демократично. Пусть в другой раз не опаздывают.

Я посмотрела на часы и решила, что она права. Наши мужчины изрядно подзадержались. Два часа – это уже слишком.

– Хорошо, садимся, – скомандовала я. Никто не возражал.

Дружно уселись. Со взрывом открыли шампанское.

– Я водочку, я водочку, – напомнила Маруся.

Налили водочки и... О мужчинах вспомнили спустя два часа.

– Однако мой Пупсик задерживается, – пьяно шурясь, констатировала Роза.

– Ой, Ваня, Ваня, что-то случилось! – схватила за сердце Маруся.

– И телефон молчит, – констатировала Елена, озабоченно глядя в сторону прихожей.

Я решила всех успокоить, хотя сердце мое было не на месте.

– Может, они там, где поблизости нет телефона, – сказала я.

– Что? Сразу все? – изумилась Роза. – И мой пупсик? С тортом?

– Судя по всему, твой Пупсик ест торт в каком-то другом месте, – злорадно пояснила Маруся.

– А у моего Серенького мобильник, – едва не плача, сообщила Елена.

– Значит, твой Серенький лежит в постели, – обрадовалась Маруся. – Прямо весь там и лежит. Не может же он в присутствии одной бабы звонить другой, должен соблюдать элементарные приличия. – И она абсолютно неприлично заржала.

Только скандала мне не хватало.

– Стоп, стоп, стоп, – закричала я. – Ее Серега не расстается с моим Астровым. Они что же, по-твоему, вместе в постели лежат? И я могу им передать твои слова? Ты разрешаешь?

– Никто их не заставляет ложиться в одну постель, – парировала Маруся.

– При одинаковых обстоятельствах они лежат по разным постелям.

– Астров мне не изменяет, – заверила я.

– Серега мне тоже, – присоединилась Елена.

– Мой Пупсик тоже хранит верность, – на всякий случай добавила Роза, чем окончательно рассмешила Марусю.

Она ржала так, словно на всех вышеперечисленных мужчин имела впечатляющий компромат. Мы все почувствовали себя оскорбленными.

– Не изменяет только мой Ваня, – вдоволь наржавшись, сообщила Маруся.

– Но и его нет, – ехидно усмехнулась Елена. От Елены я этого не ожидала и тут же с одобрением посмотрела на нее.

– А мобильник у него есть, – припомнила Роза.

Ее реплика мне тоже понравилась, чего нельзя сказать о Марусе. Бедняга пошла красными пятнами и схватилась за бюст.

– Ой, я прямо – Беда! Беда! – заревела она. вся не могу! Надо что-то делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.